

О НАРЕЧИЯХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ВЪ ВИДАХЪ ПЕЧАТІИ ПЕЧАТНАГО ПЕЧАТОВСКАГО СЛОВАРЯ, ПОДЪИМУМУ ВЪПРЪСЪ
ОТЪДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКОЕ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Сочин. В. В. Давы.

Въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“
въ 1841 г., въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ.

Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ, въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ. Въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ.

Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ, въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ. Въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ.

Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ, въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ. Въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ.

Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ, въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ. Въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ.

Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ, въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ. Въ 1841 г. издана „Великою Императорскою Русскою Академіею Наукъ“ въ Мѣсяцѣмъ апрѣлѣмъ мѣсяцѣмъ мѣсяцѣмъ.

Владимир Иванович Даль

О НАРЕЧІЯХЪ РУСКАГО ЯЗЫКА.

ПО ПОВОДУ ОПЫТА ОБЛАСТНАГО ВЕЛИКОРУСКАГО
СЛОВАРЯ, ИЗДАННАГО ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ ИМ-
ПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. (Статья В. И. Даля.)

Изъ V книжки „Вѣстника Императорскаго Рускаго Гео-
графическаго Общества“ за 1852 г., съ небольшими по-
правками противъ перваго изданія.

О НАРЕЧІЯХЪ РУСКАГО ЯЗЫКА.

ПО ПОВОДУ ОПЫТА ОБЛАСТНАГО ВЕЛИКО-
РУСКАГО СЛОВАРЯ, ИЗДАННАГО ВТОРЫМЪ
ОТДѢЛЕНІЕМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Статья В. И. Даля.

*Изъ V книжки „Вѣстника Императорскаго
Рускаго Географическаго Общества“ за 1852 г.,
съ небольшими поправками противъ перваго
изданія.*

Землевѣденіе и языкознаніе, повидимому,
двѣ науки почти несродственныя; но если изу-
чать землю вмѣстѣ съ обитателями ея, то во-
просъ этотъ принимаетъ иной видъ, и Руское
Географическое Общество, по Этнографиче-
скому Отдѣленію своему, придется сродни
или въ свойствѣ со Вторымъ Отдѣленіемъ
Академіи Наукъ. На этомъ поприщѣ оба уче-
ныя общества подають другъ другу братскую

руку соревнованія и помощи.

Передъ нами опытъ, и притомъ первый опытъ въ этомъ родѣ; доселѣ печатались кой-гдѣ собранія областныхъ словъ, но не было издано ни одного такого словаря. Уже одно это обстоятельство обязываетъ насъ признательностію къ ученому братству, которое, едва ли не впервые со временъ Ломоносова, признало трудъ этотъ довольно важнымъ и достойнымъ своего вниманія.

Не станемъ разсуждать о пользѣ областныхъ словарей, или словарей наречій. Во Франціи, Германіи, Италіи, гдѣ мѣстный народный говоръ нерѣдко до того уклоняется отъ общепринятаго, что почти можетъ быть принятъ за другой языкъ, словари наречій мало могутъ способствовать изученію общаго языка; но гдѣ, какъ у насъ, на всемъ пространствѣ огромнаго царства разстилаются безпредѣльные равнины и господствуетъ одинъ общій языкъ, а мѣстныя уклоненія его столь незначительны, что ихъ даже не всякій замѣчаетъ, тамъ областные словари получаютъ совсѣмъ иное значеніе: областной говоръ свойственъ простому народу, а простонарод-

ный языкъ — корень и основаніе образованнаго языка; послѣдній, со всѣми прикрасами своими и со своею граматикой, долженъ признать простонародный языкъ нашъ роднымъ отцомъ своимъ, и въ то же время живымъ, напояющимъ источникомъ.

Кажется, теперь только настаетъ желанная пора для истиннаго изученія и развитія нашего языка. вмѣстѣ съ насильственнымъ образованіемъ, по иноземнымъ образцамъ, въ былое время началось и искаженіе роднаго языка, который не могъ успѣть за внезапнымъ приливомъ просвѣщенія. Онъ и теперь только достигъ межени; ему еще далеко до высокой воды. Но довольно того, что мы начинаемъ убѣждаться въ неудобствѣ пополнять недостающее иноземнымъ, начинаемъ отказываться отъ произвольной ломки, спайки и наварки словъ: эти попытки бѣльшею частью весьма неудачны и основаны собственно на незнаніи народнаго языка, въ полномъ его объемѣ; въ словахъ и выраженіяхъ у насъ нѣтъ недостатка, умѣйте только отыскать ихъ, изучить, усвоить и пустить въ ходъ. Въ этой истинѣ мы убѣдились недавно, и съ тѣхъ

поръ увидѣли свѣтъ. Повсемѣстно замѣтно это направленіе, и отъ него будетъ благо.

Не станемъ говорить о томъ, что у насъ есть собраты, которые пишутъ и печатаютъ *газонъ* и *кадаверъ*, ни же о *гуманности*, *субъ-ективности* и *объективности*, а вспомнимъ, на примѣръ, что одному переводному роману дано хитро придуманное заглавіе *Путеводителя въ пустынь*, заглавіе мудреное, таинственное, тогда-какъ буквальный переводъ этого заглавія былъ бы: *степной вожакъ*. Беру одинъ примѣръ, чтобы только объяснить мысль свою, тогда-какъ легко было бы насчитать ихъ тысячи. Рускіе даровитые писатели, которые знаютъ народный бытъ и берутъ оттуда рассказы и картины свои, пестрятъ однако языкъ свой, безъ малѣйшей надобности, а только по образу воспитанія и привычкѣ, чужими словами, а слогъ свой — нерускими оборотами. Въ этомъ всѣ мы виноваты поголовно.

Относительно *словосочиненія*, въ смыслѣ произвольнаго составленія небывалыхъ словъ, не говоря объ иныхъ писателяхъ, достаточно будетъ сослаться на новѣйшій словарь

нашъ, въ которомъ 114,749 словъ или реченій, но въ томъ числѣ и множество такихъ, которыя придуманы только для внесенія ихъ въ счетъ, между тѣмъ какъ ихъ нѣтъ вовсе на дѣлѣ и они нигдѣ и никогда въ ходу не бывали и не будутъ.

Мы о сию пору затверживаемъ по всѣмъ граматамъ рускимъ, что языкъ нашъ весьма склоненъ къ образованію составныхъ реченій, и въ этомъ убѣжденіи дозволяемъ себѣ сочиненіе шарокатовъ и шаропеховъ; скажемъ напротивъ разъ навсегда, по правдѣ, что онъ вовсе не склоненъ къ тому и что это противно духу его; народъ не затрудняется пріискать въ сокровищницѣ своей новое выраженіе если оно ему понадобится, но у него на это совсѣмъ иные пріемы: берется одно только слово, ближайшее къ главному понятію, а затѣмъ, измѣненіемъ окончанія, приставкою одного или двухъ предлоговъ и иногда еще переносомъ ударенія, придается выраженію этому любой видъ и значеніе.

Всѣ стали убѣждаться въ послѣднее время въ томъ, что при направленіи, которое приняла обработка, или вѣрнѣе запусценіе руска-

го языка, ему угрожаетъ гибель: изъ богатаго, звучнаго, сильнаго и самостоятельнаго языка могъ бы сдѣлаться языкъ вялый, тяжелый, набродный. Къ этому упадку и точно близился нашъ письменный языкъ; простонародный не искажался, но въ отчужденныхъ отъ него ушахъ отзывался квашениной. И точно, средыны у насъ еще нѣтъ; чѣмъ менѣе языкъ писателя напоминалъ отчизну свою, тѣмъ легче понимали его читатели и читательницы; чѣмъ болѣе онъ отзывался материкомъ, тѣмъ онъ казался грубѣе, пошлѣе и непонятнѣе. Чопорные писатели отряхивали свои пальчики въ цвѣтныхъ перчаткахъ и прибѣгали къ французскому словарю, вмѣсто рускаго; немногіе смѣльчаки бросались въ противоположную крайность, и если попытка ихъ тѣшила на короткое время рѣзкостью и новизною, то на нее не менѣе того смотрѣли, какъ на довольно грубую и даже неприличную шутку.

Но если мы изучимъ свой народный языкъ во всѣхъ его видахъ и въ полномъ богатствѣ, если усвоимъ себѣ духъ его, свыкнемся и обживемся съ нимъ, тогда, можетъ-быть,

понятія наши о немъ измѣнятся и мы вынуждены будемъ сознаться, что всѣ жалобы наши были наклепомъ невѣжества, для котораго и самый языкъ оставался нѣмымъ.

Мужикъ извѣстной (сѣверовосточной) мѣстности говоритъ: «подъ увѣемъ хлѣбъ не растеть». Немногимъ изъ читателей слово *увѣй* знакомо, а замѣнить его мудрено не только рускимъ, но и чужимъ словомъ: *увѣй*. это все пространство вокругъ лѣса или дерева, которому оно заститъ втеченіе дни, отчего трава и хлѣбъ на этомъ пространствѣ хилѣеть; *увѣй* — весь объемъ тѣни, вся мѣстность, на которую падаетъ постепенно тѣнь, отъ восхода до заката солнца.

Лошадь *запахáлась*, т. е. надорвалась пашней; у насъ по хлѣбамъ дорогу *заѣздили*, или поля *заѣздили*, т. е., покинувъ дорогу, ѣздили стороной и помяли хлѣбъ; *ѣсть хлѣбъ въ окурку*; *пѣть* или читать *говоркомъ*, т. е. речитативомъ; *набрóвый*, *набровистый*, вмѣсто навислый; *басá*, красá, пригожество, изящество, отъ чего вышло много реченій, и между прочимъ *басловка* и *баснь* (этого корня нѣтъ даже у Шимкевича); *голóмя* или *óследь*, на что у на-

съ нѣтъ инаго слова, а пишутъ *штамбъ*, т. е. нѣмецкое Stamm; все это выраженія, хотя и областныя, но вполне пригодныя для общаго рускаго языка, и притомъ едва ли замѣнимыя. Примѣры эти я взялъ на память, какъ они попались подъ перо, и впоследствии справился только, нѣтъ ли ихъ въ словаряхъ; если бы я не опасался надоѣсть, то легко было бы набрать ихъ сотни, даже тысячи. Не забудемъ, что всѣ выраженія эти равно способны принять значеніе переносное, и что здѣсь речь идетъ только о словарѣ, а слѣдовательно о словахъ, тогда какъ и самому рускому складу речи также можно научиться не столько изъ книгъ нашихъ, сколько изъ народнаго говора.

Но въ бытовомъ (этнографическомъ) отношеніи мѣстный словарь получаетъ еще другое значеніе: онъ указываетъ на происхожденіе и сродство поколѣній, и потому областное наречіе или говоръ не могутъ быть оставлены безъ вниманія этнографомъ. Кто не узнаетъ, при первой речи, уральскаго казака по рѣзкой скороговоркѣ его; донца — по особенной примѣси южно-рускаго говора;

курянина — по мягкому окончанію третьяго лица; воронезца — у котораго нѣтъ средняго рода, а платье, яйцо и сѣдло — она и эта? Вятчанинъ употребляетъ приставки то, та, тѣ, согласно съ родомъ, и говоритъ: корова-то, мужикъ-та (или отъ), дѣти-тѣ, и вотъ разгадка такъ называемаго послѣдовательнаго члена на языкѣ болгарскомъ, явленія страннаго, несвойственнаго никакому иному славянскому наречію; но это не членъ, и взять онъ не съ греческаго: очевидно, обычай приставлять мѣстоименіе на языкѣ этомъ обратился въ законъ. Кто не узнаетъ олончанку по пѣвучей дроби речи ея, которую, безъ всякаго преувеличенія, можно положить на ноты? А уралка, которая шепеляетъ, рѣзко отличаясь говоромъ отъ отца и мужа, или самарка, которая, наоборотъ, произноситъ *ш, ж* вмѣсто *с, з*, и поетъ въ хороводахъ: Рожанъ мой, рожанъ, виноградъ желеный? А ржевки, которыя всѣ говорятъ въ носъ, съ растяжкой и съ жесткимъ удареніемъ на согласныя буквы, напр. жень-щина? Коломенецъ говоритъ: папенька, маменька, кваскю, табачкю; зубчанинъ, напротивъ того: пустомѣла, червѣ. Кто не

узнаеть сибиряка, между прочимъ, по одному вопросу: чьихъ вы, вмѣсто: какъ вы прозываетесь; ярославца, особенно ростовца, по приставкѣ *де, ди* и по словцу: родимый; новгородца, который говоритъ: хлиба ниту, сина ниту, совсимъ беда; или кологрнвца, который говоритъ: хлѣбъ, сѣно, но ставить *и* вмѣсто *ѣ* въ глаголахъ: потить, вмѣсто потѣть, глядить, вмѣсто глядѣть и проч.

У насъ есть слова съ двоякимъ удареніемъ: далѣко и далекó, высóко и высокó, ворóта и воротá, и по одному ударенію этому можно догадываться о родинѣ собесѣдника: удареніе на начальномъ или среднемъ слогѣ свойственно сѣверному и восточному наречію, удареніе на конечномъ — южному и западному.

Все это одни отрывочные примѣры, взятые на память: боюсь надоѣсть ими и перехожу къ заключенію, что для насъ одного только словаря областныхъ наречій мало: намъ нужны общія правила, какъ и чѣмъ одно наречіе отличается отъ другаго, чѣмъ говоръ рознится отъ говора. Въ этомъ дѣлѣ найдемъ мы необходимое подспорье для географіи, этнографіи и исторіи, а еще болѣе для изученія роднаго

языка. Въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, населенныхъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и отчасти въ послѣднее время, выходцами двадцати губерній, довольно легко, по наречію, узнавать происхожденіе переселенцевъ; затруднительнѣе это, когда старики уже вымерли, а молодое поколѣніе исподволь привыкаетъ къ говору мѣстному, особенно же если селеніе сбродное, изъ переселенцевъ разныхъ мѣстъ, и молодежь между собою освоилась и свыклась; но еще труднѣе, хотя и любопытнѣе, становится рѣшеніе этого вопроса, на примѣръ, въ Тверской губерніи, одной изъ самыхъ пестрыхъ и смѣшанныхъ, относительно языка; туда, какъ надо полагать, съ древнихъ временъ переселялись, по случаю разныхъ переворотовъ, едва ли не со всѣхъ концовъ Руси.

Составляя словарь одного языка или наречія, можно обойтись безъ всякихъ объясненій; но, соединивъ въ одинъ словарь, сподрядъ, реченія полсотни мѣстностей, нельзя обойтись безъ довольно обстоятельнаго введенія. Необходимо это не только для того, чтобы придать пестрому набору словъ

СМЫСЛЪ И ТОЛКЪ, но уже и для того собственно, чтобы показать произношенъе, различное въ разныхъ мѣстахъ при одномъ и томъ же правописаніи; необходимо и для того, чтобы избѣгнуть множества бесполезныхъ повтореній, отъ одной разности произношенья; наконецъ, чтобы указаньемъ не на одну губернію, а на цѣлый край, опредѣлить наречіе, къ которому слово принадлежитъ. Безъ этого пришлось бы, на примѣръ, размѣстить вдвойнѣ всѣ слова, которыя, по южному говору, произносятся на а, по сѣверному на о; также всѣ слова, въ которыхъ новгородецъ ставитъ и вмѣсто ѣ, рязанецъ я вмѣсто е, смолянинъ уы вмѣсто о, и проч., и такимъ образомъ пришлось бы напечатать словарь вдвойнѣ и втройнѣ. Дѣйствительно, всему этому въ разбираемомъ нами словарѣ много примѣровъ; но они, повидимому, случайны; не было принято на это никакого положительнаго правила и порядка.

Мы находимъ, на примѣръ, въ словарь: астраганы, лабазъ, маченецъ, овадь; почему же нѣтъ: остроганы, лобазъ, моченецъ, оводъ, какъ произносятся эти же слова на востокѣ, и

какъ нѣкоторыя изъ нихъ должны писаться, потому что остроганы происходятъ отъ острогать, а моченець отъ мочить?

И напротивъ, находимъ: обáбокъ, обáполь, розвáлистый, рознедóбитъ, розóрва, ссóривать и проч., а не видимъ тѣхъ же словъ по южному (отъ Москвы) произношенью: абáбокъ, абáполь, развалистый, разорва, ссáривать; и здѣсь очевидно послѣднее правописание, отчасти, было бы еще вѣрнѣе: многократное отъ *ссорить* будетъ ссáривать; а если, по мѣстному произношенью, всѣ слова съ предлогомъ *раз*, писать также *роз*, то будетъ много лишняго труда: тогда, повторяю, придется удвоить объемъ словаря, ради одной буквы *о*, которая на всемъ сѣверѣ и востокѣ произносится какъ *о*, а на югѣ и западѣ какъ *а*; тогда не только надобно помѣстить вдвойнѣ также всѣ слова съ буквою *ѣ*, для новгородскаго говора, и писать ихъ также черезъ *и*, не только надо принять въ словарь *ряшѣтъся*, *нявиста* и *нявистка* (кои и дѣйствительно въ этотъ словарь Академіи приняты), но также *неvista* и *нѣвѣста*, и перепечатать весь словарь до четырехъ разъ, по четыремъ главнымъ

наречіямъ, да большую часть его еще разъ четыре, по мѣстнымъ говорамъ поднаречій, для цокальциковъ, чавкаль, шамкаль, шипуновъ, дзекаль и пр.

Для нѣкоторыхъ словъ и слѣдовали этому правилу; мы находимъ въ словарь: *баж́ать*, *баж́атка*, и *божатъ*, *божатка*, каждое порознь, на своемъ мѣстѣ; также *разлі́ка* и *розлика*, *снаровитъ* и *сноровитъ*; *снафида* и *снофида*; *лѣстовка* и *листовка*; *вокно́*, *во́ко* (окно, око); *еломокъ* и *яломокъ*; *запсатитъ* и *запсѣтитъ*; *мочка* и *моцка*; *собча* и *собца*; но слова эти попали вдвойнѣ случайно, ихъ вообще немного, а прочія писаны по тому либо другому говору, какъ попадались. За то немало и такихъ словъ, которыя собирателемъ были написаны, по общему правописанью, чрезъ о, хотя наречіе или говоръ, къ которому они причислены по словарю, и требовалъ буквы а; на примѣръ: *оба́бокъ* (смол.), *поскуда* (кур., тул.), *сорѣ́ка* (тул.), *сорѣ́мно* (смол.), *солянка* (кур.), *солотина* (моск.), *солома́тникъ* (тмб.) и пр. Такихъ словъ найдется весьма много, и они должны ввести въ грѣхъ всякаго неопытнаго изыскателя, который, видя, что въ сло-

варѣ вообще принято правописанье по произношенію, долженъ, ошибочно, причислить губерніи Смоленскую, Курскую, Тульскую, Тамбовскую и Московскую къ числу о́бающихъ.

Чтобы рѣшить эти довольно затруднительныя недоразумѣнья, я долженъ предварительно надокучить читателейъ разсмотрѣнемъ слѣдующихъ главныхъ вопросовъ:

1) Какія есть у насъ наречія и говоры, гдѣ именно и какія ихъ существенныя примѣты?

2) Какое правописанье должно быть принято въ словарь наречій, для ясности, однообразія и удобства?

3) Какой видъ долженъ быть приданъ словарю наречій, какимъ образомъ его расположить, для болѣе удобнаго употребленья?

О наречіяхъ великорускаго языка.

Самый оглавокъ этотъ показываетъ, что здѣсь не будетъ речи о языкѣ малорускомъ; бѣлорусское же наречіе нѣкоторыми причисляется къ великорускому языку, другими также отдѣляется. Переходъ къ нему, впрочемъ, постепенный и грамматика почти одна и та же, великоруская, съ наклоностію къ польской.

Всякъ изъ насъ и нехотя замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ *па-масковски*, *свысока́*, т. е. акаютъ, а въ другихъ, напротивъ, *низкимъ* говоромъ, *владимірскимъ*, на *о*, или *окаютъ*. Говоръ на *о* долженъ быть весьма древній; имена Труварусъ, Ингваръ передѣланы были искони въ Труворъ, Игорьъ. Это различіе извѣстно всякому, и оно самое существенное, хотя и далеко недостаточно для распредѣленія всѣхъ наречій[1].

Н. И. Надеждинъ отличаетъ напередъ два главныя наречія: *понтійское* и *балтійское*, по водораздѣлу, южное и сѣверное, или *мало-* и *бѣлорусское*. Первымъ говорили несторовскіе: угличи, тиверцы, дулѣбы, суличи, сѣверяне,

поляне, горяне; вторымъ говорили, въ предѣлахъ бывшаго Литовскаго княжества: Бѣлая и Черная Русь (Ковно, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, часть Вильны и Чернигова, Смоленскъ, часть Пскова); это несторовскіе древляне, дряговичи, полочане, кривичи, вятичи, радимичи. Рѣки Припетъ и Сожь (а Десна?) раздѣляютъ эти два колѣна, отъ которыхъ, при сліяніи съ чудскими племенами, далѣе на востокъ, образовался великорускій языкъ, раздѣлившійся на два наречія, по *аканью* и *оканью*.

На *о* говорятъ: въ древнемъ Новгородѣ, въ удѣлѣ Долгоруковичей, т. е. въ Суздалѣ, Ростовѣ, Твери, Бѣлозерѣ, Галичѣ-сѣв., Вел.-Устюгѣ, Костромѣ, Нижнемъ. На *а*: въ Рязани, а потомъ по Окѣ, составляющей взаимные предѣлы этихъ наречій, на нижнюю Волгу.

Примѣты этихъ наречій: Въ говорѣ на *о*, буква *г* произносится твердо или густо, какъ латинское *g* третье лицо глаголовъ кончаютъ на *ъ* и никогда не откидываютъ *т*: онъ ходитъ, любитъ; *ч* иногда походитъ на *ц*; *ѣ* иногда звучитъ какъ *и*.

Въ говорѣ на *а*: буква *г* произносится какъ

придыханіе (латинское h), третье лицо глаголовъ кончаютъ на ь: онъ хóдитъ, любить, даже любеть; а гдѣ удареніе на е, тамъ иногда *т* вовсе откидывается: онъ идё, везё, берё; буква *ч* произносится чисто, но вмѣсто *щ* иногда *шт*.

Замѣчанія эти дѣльны, но не всѣ вѣрны, и противу нѣкоторыхъ положеній нельзя не сдѣлать кой-какихъ замѣчаній. Если великорускій языкъ произошелъ отъ сліянія мало- и бѣлорускаго, и при этомъ говоры на *а* и *о* скрестились — первый прошелъ отъ запада черезъ Москву на югъ, второй съ юга на сѣверо-востокъ — то по-крайности нѣтъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, которые бы дали намъ право предполагать, во время Нестора, присутствіе малорусовъ въ означенныхъ предѣлахъ. Напротивъ, исторія этому противоречитъ. Раздѣленіе великорускаго языка только на два наречія недостаточно. Утверждая, что рязанское наречіе приближается къ малорускому, а новгородское къ бѣлорускому, сочинителю слѣдовало развить ближе мысль свою, потому-что принятые имъ же самимъ главные признаки противо-

речать этому сходству: бѣлоруское и рязанское наречія, напротивъ, сходятся между собою, по аканью, а малорусское и новгородское между собой — по оканью. Предполагаемое сочинителемъ стороннее вліяніе на малорускій языкъ Кавказа, и даже мѣстностей еще болѣе отдаленныхъ, не объяснено и остается темнымъ. Сѣверное и восточное наречія (новгородское и владимірское) дотого спутаны, что одинъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ перваго, *и* вмѣсто *ѣ*, повидимому, приписанъ обоимъ; напротивъ, *ц* вместо *ч* можно слышать и въ говорѣ на *а*, напримѣръ, въ Нижне-ломовскѣ и около Касимова. Въ новгородскомъ наречіи (на *о*) также иногда откидывается *т* въ третьемъ лицѣ глаголовъ, и говорятъ именно: онъ любѣ, и любѣ, онъ хѣди и проч.

И. П. Сахаровъ («Сказанія», т. I) принимаетъ четыре великорускія наречія: новгородское, московское, суздальское и владимірское; но въ другомъ мѣстѣ, въ оглавленіи будущаго содержанія третьяго тома, онъ ставитъ на мѣсто владимірскаго заволжское, а затѣмъ дѣлитъ: 1) московское — на московское, туль-

ское, рязанское, калужское, тверское и владимірское; 2) новгородское — на новгородское, архангельское, онежское; 3) суздальское — на суздальское, ярославское, костромское, галицкое, муромское; 4) заволжское — на вологодское, пермское, устюжское, сибирское и офенское.

Я долженъ сознаться передъ И. П. Сахаровымъ, что такого дѣленія наречій вовсе не понимаю; не знаю и не вижу, что могъ имѣть въ виду такой знатокъ народности русской, какъ онъ, принимая подобное раздѣленіе. По какимъ признакамъ можно владимірское и рязанское наречія соединить въ одно, и притомъ московское? Во всей Росіи нѣтъ двухъ болѣе противоположныхъ наречій, какъ именно владимірское и рязанское; если ихъ соединить подъ общими признаками, то дѣло кончено, и у насъ нѣтъ никакихъ наречій. Вообще, во всемъ раздѣленіи этомъ разнородное совокуплено, однородное разнесено врознь. Думаю, что И. П. шелъ по какимъ-нибудь произвольнымъ признакамъ, которыхъ до времени намъ не объясняетъ, хотя М. А. Максимовичъ и вызывалъ его на это и всѣ люби-

тели народности приняли бы съ признательностію объясненіе такой загадки. А можно ли офенскій языкъ ставить на ряду съ другими, въ видѣ поднаречія? Въдь это языкъ искусственный, вымышленный исподволь для плутовскихъ совѣщаній торгашей, а не наречіе: тогда надо также признать за наречія языки: бывшихъ волжскихъ разбойниковъ, конскихъ барышниковъ, конокрадовъ и коноваловъ, петербургскихъ и московскихъ мазуриковъ и жуликовъ (воровъ), наконецъ и кяхтинскій торговый языкъ, и говоръ школьниковъ по херамъ, и проч.

М. А. Максимовичъ («Начатки Русск. Филол.» 1848), устраняетъ языкъ южно-рускій, дѣлитъ сѣверный на велико- и бѣлорусское наречія, а великорусское (или сѣверно-руское) основательно на четыре наречія: сѣверо-восточное, гдѣ окають, 1) верхне-руское или новгородское, 2) нижне-руское или суздальское; южное, гдѣ акають; 3) средне-руское или рязанское, и 4) московское, сдѣлавшееся общимъ или образцовымъ.

Почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ объ этомъ распредѣленіи наречій,

Вѣрно: онъ владѣеть завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки наречій и подводить ихъ подъ граматическія правила; у меня данныхъ много, есть замѣтки и образцы наречій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи, я рѣдко затрудняюсь узнать, по говору, родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ наречіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, но я не сумѣю привести примѣтъ этихъ подъ общія граматическія правила.

1) Въ верхне-русскомъ, говоритъ М. А., господствуетъ новгородское, окаяющее, принимающее ѣ за тонкое и (какъ въ малорусскомъ) и опускающее въ третьемъ лицѣ глаголовъ окончаніе на *т*; онъ возьмѣ, ходи, люби (вопреки Надеждину).

2) Нижне-русское, или суздальское, окаетъ, не ставитъ *и* вмѣсто ѣ, не обращаетъ окончанія родительнаго падежа *аго, его* въ *аво, ево* (?).

3) Средне-русское наречіе, продолжаетъ М. А., обращаетъ *о* безъ ударенія въ дебелое *а*, а букву *г* въ латинское *h*, какъ и въ бѣло- и малорусскомъ; *в* остается мягкимъ, не произно-

сится какъ *ф*; въ глаг. 3 л. вмѣсто *тъ* ставитъ *ть*; вмѣсто прибавочной частицы *ся*, употребляетъ *си*; вмѣсто *о*, въ глаголахъ, *ы* (мыю, крыю); но не дзекаетъ, чѣмъ отличается отъ наречія бѣлорусовъ.

4) Московское наречіе обращаетъ *о* безъ ударенія въ легкое *а*.

Здѣсь должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Въ новгородскомъ наречіи опущеніе *тъ* въ 3 л. глаголовъ не только не есть общее правило, но довольно рѣдкое, хотя и весьма замѣчательное исключеніе. 2) Въ суздальскомъ наречіи, вообще въ окончаніи прилагательныхъ, буква *г* произносится какъ *в*; напротивъ *г* произносятся какъ оно пишется также въ видѣ изъятія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго, новгородскаго говора (о чемъ будетъ говорить ниже); но признакъ этотъ, относимый М. А. Максимовичемъ къ суздальскому наречію, принадлежитъ собственно южному, рязанскому.

Противъ самаго распредѣленія этого можно только замѣтить, что здѣсь недостаетъ наречій: смоленскаго, сибирскаго, новоросійскаго, донскаго; что названія верх-

не-, средне- и нижнерусское сбивчивы и не совсѣмъ удобны. Впрочемъ, сибирское поименовано въ полнаречіяхъ, и, можетъ-быть, это правильнѣе.

Обращаюсь къ изложенію своего взгляда на великорускія наречія, который, впрочемъ, только дополняегъ болѣе или менѣе положенія Н. И. Надеждина и М. А. Максимо-вича.

Огромность пространства, на которомъ говорятъ рускимъ языкомъ, однообразіе его и постепенность оттѣнковъ въ наречіяхъ къ предѣламъ государства, заставили было меня нѣкогда подозрѣвать въ дѣлѣ этомъ какой-либо общій законъ, а именно: въ восточныхъ языкахъ господствуютъ гортанные звуки, гласныя *a, o, y* не такъ рѣзко одна отъ другой отличаются и нерѣдко обращаются въ полугласныя; въ западныхъ находимъ полнозвучіе гласныхъ, есть придыханіе (*h*), есть иногда и носовые звуки, жесткость согласныхъ смягчается; на сѣверѣ много жесткихъ и сильныхъ согласныхъ буквъ, много растянутыхъ двугласныхъ (гласныхъ сложныхъ); къ сему, казалось мнѣ, можно

примѣнить и говоръ разныхъ концовъ Росіи; но это была мечта. Въ этомъ отношеніи можно только развѣ допустить, что пензенское и вятское *уо*, вмѣсто *о*, должно быть чуждаго происхожденія; что тутъ и тамъ осталось въ оборотѣ нѣсколько словъ, принадлежащихъ языку обрусѣвшаго племени; что по западной границѣ нашей сосѣдніе языки остались не вовсе безъ вліянія на рускій; всѣ остальные отѣнки выработались, отъ неизвѣстныхъ причинъ, дома; вѣроятно, это въ связи съ обрусѣніемъ разныхъ чуждскихъ племенъ, составлявшихъ самую значительную часть населенія Росіи; но оговоримся и тутъ: вслушиваясь въ языки этихъ народовъ, напримѣръ въ корельскій, мордовскій, чувашскій, и прислушиваясь къ искаженному рускому говору тѣхъ изъ нихъ, кои еще не вовсе обрусѣли, не находишь никакой связи между симъ обстоятельствомъ и мѣстнымъ рускимъ наречіемъ. Такъ, напримѣръ, у чувашъ нѣтъ буквъ: б, г, д, ж, з, ц, а вмѣсто ихъ: п, х, т, ш, с, ч; также вм. ѳ, у нихъ хв, х; но *хóтны*, *тóпры*, *шивóй*, *солá*, *чаръ*, *Хвѣдоръ*, *Хиліпъ* (годный, добрый, живой, зола, царь,

Федоръ, Филипъ) говорятъ только плохо знающіе по-русски, обрусѣвшіе же отстаютъ вовсе отъ этого произношенія, вполне принимая мѣстный говоръ, въ которомъ нѣтъ и слѣдовъ чувашскаго. Поблизости татаръ, калмыковъ, болгаръ, грековъ, армянъ и другихъ инородцевъ, даже около нѣмецкихъ переселенцевъ, рускіе переняли отъ нихъ нѣсколько словъ или оборотовъ; но это вліяніе довольно ничтожно. Молдаване говорятъ: *понеси лошадей; вилы распоролись; канатъ улопався*; и тверскіе корелы *ломаютъ веревку и гнутъ дышло*; сосѣдніе съ башкирами и киргизами русаки бесѣдуютъ съ ними на какомъ-то условномъ языкѣ, гдѣ слышишь: *баранчукъ* (ребенокъ), *марушка*, *марджа* (марья, руская баба), *кургашъ* и *курпячъ* (ягня), *мазарки* (могила), *маханъ* (кониная), *шарабара* (хламъ), *калтá* (сума) и пр., хотя часть этихъ словъ и не татарскія, а калмыцкія. Залѣскій край, на востокъ отъ Москвы, безспорно весь населенъ былъ разною чудью; Владиміръ-Залѣскій, какъ Переяславъ, Стародубъ-на-Клязмѣ, Галичъ, Звенигородъ,— всѣ названія эти перенесены съ юга,

при основаніи на занятыхъ мѣстахъ новыхъ городовъ; это могло бы послужить поводомъ для приписанія восточнаго наречія вліянію чуди; но самое близкое къ нему, по говору, сѣверное, и также о́кающее, жило искони, а на югъ отъ Москвы акающія наречія также образовались при обрусѣніи чудскихъ же племень. На чемъ основано это столь существенное различіе? Почему сѣверовосточная обрусѣлая чудь о́каетъ, и весь край этотъ строитъ губы кувшиномъ, а весь югозападъ (и отчасти юговостокъ) а́каетъ, почему населеніе это и зовутъ зѣворотымъ и полорóтымъ?

Въ мѣстахъ, гдѣ половина мужскаго населенія постоянно бываетъ въ заработкахъ на чужбинѣ, народный говоръ постепенно сглаживается и поддерживается почти только бабами. Нѣкоторыя измѣненія въ говорѣ вводятся и обыкомъ или модой: напимѣрь, шепелянье уралокъ, шиканье самарокъ, вычурное произношенье ржевокъ. Само собой, что переселенія надолго, если не навсегда, покидаютъ сильные слѣды сторонняго наречія; въ мѣстностяхъ, напимѣрь, гдѣ цокаютъ

или чвакають, нерѣдко находимъ въ одномъ и томъ же селеніи людей безъ этой особености въ говорѣ, и иногда нельзя доискаться причины такой странности, ихъ называютъ старожилами: но будьте увѣрены, что въ такой семьѣ говоръ этотъ ведется и держится женскимъ колѣномъ, по которому она въ свойствѣ съ чужбиной.

Образованность и просвѣщеніе сглаживаютъ постепенно различіе наречій, проходя повсюду съ уровнемъ своимъ, языкомъ письменнымъ; но это подаетъ много повода къ недоразумѣніямъ и невольнымъ злоупотребленіямъ: вотъ происхожденіе наречія *галантерейнаго*, говора лакеевъ и сидѣльцевъ.

Построеніе городовъ, гдѣ сосредоточивается дѣятельность народа, то около наброднаго и отчасти граматнаго населенія среднихъ сословій, то около людей, воскормленныхъ остриемъ пера, повитыхъ въ гербовомъ листѣ, измѣняетъ нѣсколько и выравниваетъ мѣстный говоръ, образуя въ то же время особенное наречіе, извѣстное подъ названіемъ *приказнаго*.

По всему этому очевидно, что мы здѣсь будемъ говорить почти только о языкѣ или наречіяхъ простаго народа, который, по ксности своей, всегда и вездѣ удерживаетъ болѣе кореннаго и самобытнаго, а по невѣжеству въ дѣлѣ ученаго языковѣденія, не умничаютъ, не искажаетъ языка, какъ мы, у которыхъ въ этомъ отношеніи умъ за разумъ зашелъ и природное чутье утрачено. Отъ этого составляемая народомъ безсознательно реченія мѣтки, вѣрны и правильны; составляемая же нами, напротивъ, вялы, пошлы и ошибочны.

Трудно рѣшить положительно, что называется языкомъ, что наречіемъ, а что говоромъ. Наречіемъ называютъ обычно языкъ не довольно самостоятельный, и притомъ столь близкій къ другому, что, не нуждаясь ни въ своей особенной граматикѣ, ниже въ словарь, можетъ быть хорошо понимаемъ тѣмъ, кто знаетъ первый. Называютъ также наречіемъ, болѣе въ политическомъ смыслѣ, областной, мѣстный говоръ небольшой страны, также языкъ мѣстный, искаженный, какъ полагаютъ, отшатнувшійся отъ кореннаго языка,

родившійся отъ смѣси двухъ и болѣе языковъ. Вообще языкъ, которымъ говоритъ большинство, а тѣмъ болѣе сословіе образованное, языкъ письменный, принимается за образцовый, а всѣ уклоненія его за наречія. Спорить противу общаго закона господства просвѣщенія нельзя; но господство того либо другаго наречія надъ прочими — дѣло случайное, и всѣ они равно искажены и равно правильны. Возьми у насъ въ былое время Новгородъ, Псковъ или Суздаль перевѣсь надъ Москвою, и нынѣшній московскій языкъ слылъ бы мѣстнымъ наречіемъ. Поэтому не было бы повода почитать московское наречіе болѣе чистымъ и правильнымъ, чѣмъ мало- или бѣлорусское, если бы это наречіе не обратилось въ языкъ правительства, письменности и просвѣщенія.

За самостоятельный, по развитію и обращенію, языкъ должно признать тотъ, у котораго есть своя граматика и письменность; за наречіе — незначительное уклоненіе отъ него, безъ своей грамматики и письменности; говоръ — еще менѣе значительное уклоненіе, относящееся болѣе къ особенностямъ

произношенія и напѣву, по пословицѣ: что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай, что дворъ, то говоръ.

Выраженія: *молвь* и *речь* могутъ служить для обозначенія поднаречій: *молвь* отвѣчаетъ болѣе подчиненному понятію наречія, а *речь* ближе относится къ говору.

Человѣкъ не можетъ писать одинаково хорошо или ровно на двухъ языкахъ: на это оконченной и ограниченной природы его не достанетъ. Нѣтъ мысли, нѣтъ думы, нѣтъ понятія безъ словъ, плотская природа наша не даетъ духовному началу въ насъ никакой власти безъ словесной речи. А на какомъ языкѣ я мыслю, на томъ только я и могу писать; иначе это будетъ не подлинникъ, а переводъ. Вотъ почему всѣ мы дурно пишемъ поруски: способности наши смолоду угнетены изученіемъ иностранныхъ языковъ; насъ заставляютъ говорить на нихъ отъ колыбели; мы читаемъ болѣе книгъ иностранныхъ — за что, конечно, пенять на насъ нельзя, но такимъ образомъ, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, мы незамѣтно пригнетаемъ умственныя способности свои и

дѣлаемся тупѣе, не будучи всилахъ ни ясно выразиться, ни ясно мыслить.

Обращаюсь теперь къ самому распредѣленію наречій.

На распутіи промежъ Ростова, Новагорода, Твери, Владиміра, Суздаля, Рязани, Курска, Смоленска и другихъ городовъ, на рѣчкѣ, носившей чудское названіе «мягкой воды», основалась Москва, на два-девятисто верстъ отъ ближайшихъ къ ней древнихъ столицъ, и она же соединила ихъ подъ свою державу. На этомъ общемъ распутіи столкнулись наречія или говоры четырехъ странъ, и тутъ образовался свой говоръ, принятый нынѣ какъ образцовый, хотя даже и москвичи не остались безъ присловія: «Съ Масквы, съ па-сада, съ авашно́ва ряда», потому что речь ихъ болѣе приближается къ *а́канью*.

1. Итакъ, первымъ наречіемъ великорускимъ будетъ у насъ *московское*, самое малое по занимаемой имъ мѣстности, самое обширное по распространенію своему на всю Русь. Московскимъ наречіемъ говоритъ самая небольшая часть народа, почти только въ стѣнахъ Москвы; но это языкъ письменный и

правительственный, и языкъ высшаго, а отчасти и средняго сословія, языкъ всѣхъ образованныхъ русскихъ, московскаго дворянства и купечества. И въ этомъ наречіи слышатся иногда неправильности, въ родѣ: *онъ былъ ушедши, мы были пріѣхавши*; но такъ-какъ обороты эти не могли зайти туда съ языковъ иноземныхъ, развѣ съ татарскаго, на которомъ есть нѣчто похожее, то, можетъ быть, и слѣдовало бы исправить не московское наречіе по грамматикѣ Н. И. Греча, а наоборотъ, Греча грамматику по московскому говору. Не шутя, грамматическая неправильность эта въ общемъ ходу по всей Руси, почему же не признать ее правильною?

Если подняться на золотыя маковки Бѣлокаменной, то можно окинуть глазомъ пространство во всѣ четыре стороны, гдѣ уже говорятъ иначе. Видно тутъ, на распутіи, столкнулись всѣ иаречія и говоры наши, и изъ нихъ выработалось новое, которое, по закону господства духа надъ плотію, усвоило себѣ никѣмъ не оспариваемое первенство.

Въ Москвѣ говорятъ *свысока́, высокою речью*, то-есть любятъ гласный звукъ *а* и

замѣняютъ имъ звукъ *о*, коли на немъ нѣтъ ударенія. *Говорятъ: харашо, гаварить, талкавать*, но это áканье бываетъ умѣренное, иногда *а* слышится почти только полугласное; оно составляетъ средину между двумя говорами, которые рѣзко и до приторности придерживаются двумъ крайностямъ: речи на *а* и на *о*. Только немногіе московки разстанавливаютъ слоги, въ плавной, важной, пѣвучей речи своей, и произносятъ московское *а* протяжнѣе, полнобъснѣе: большею же частію письменный знакъ *о*, безъ ударенья, сымается на нѣтъ подъ звукъ *а*: прошу простить мнѣ это плотницкое выраженіе. *Чадо, чудо* слышится и въ самой Москвѣ почти какъ *чядо, чюдо*; прочіе звуки чисты и отчетисты; буква *г* произносится не очень круто, въ нѣкоторыхъ словахъ съ легкимъ придыханьемъ; есть разница въ произношеніи словъ: *гробъ* или *голубъ*, и *богатый, Господи* (*grob, hospodi*). По этому поводу въ одной лѣтописи говорится, что: «появишася нѣцыи философы, наченшіе пѣти *Осподи* вмѣсто *Господи*»; эти философы очевидно были пѣвчіе съ юга. Далѣе: окончанія *аго, ого, яго, его* измѣняются

въ *аво, ева*; вообще въ бесѣдѣ примѣшиваютъ менѣе иноземныхъ словъ, чѣмъ въ другой столицѣ нашей, охотно и безъ натяжки употребляютъ коренныя рускія слова и нерѣдко даютъ речи хорошій рускій оборотъ.

Въ Московской губерніи говорятъ различно: въ *Клинѣ* — по-новгородски; въ *Можайскѣ* — почти по-смоленски (*хвилинь, целовѣкъ, уфостье*); въ *Коломнѣ* — по-рязански; въ *Богородскѣ* — по-суздальски. Во многихъ мѣстахъ Московскаго уѣзда можно слышать: *ндравъ, лицомъ, огнёвъ*; также *ручникъ* и *вечерница*, вмѣсто утиральника и посидѣлокъ.

Отъ Москвы на сѣверъ господствуетъ наречіе *новгородское*; на югъ — *рязанское*; на востокъ — *владимірское*; на западъ — *смоленское*. Объяснимъ это ближе, принявъ тотъ порядокъ для наречій этихъ, который удобнѣе.

2) Отъ Москвы на востокъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, замѣтна уже склонность произносить звукъ *о* всюду, гдѣ онъ есть на письмѣ: около Владиміра *о*канье достигаетъ уже высшей степени; тамъ, для полногласія, вставляютъ *о* во многія слова: *Володиміръ, волóга* (влага), *бóлого* (благо) и

прочее; сверхъ того, даже самое *a*, безъ ударенья, нерѣдко обращается въ *o*: стоканъ, холать, озямъ, тороканъ, Огрофена, Просковья, Ондрей. Этотъ говоръ идетъ далѣе на *востокъ* чрезъ всю Росію, не исключая и Сибири, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ подверженъ частнымъ измѣненіямъ, но вообще нигдѣ, кромѣ развѣ Костромы и Вятки, не достигаетъ такой крайности, какъ во Владимірѣ. Во Владимірской и Ярославской *o*канье это уже впрочемъ много смягчилось тѣмъ, что большая часть мужскаго населенія промышляетъ внѣ родины своей; въ Костромской, мѣстами, весьма замѣтна примѣсь или вліяніе новгородскаго говора; но на Вяткѣ онъ невыносимо грубъ.

3) Отъ Москвы на западъ *высокій* говоръ или *аканье* постепенно усиливается и, принимая еще нѣсколько другихъ особенностей, переходитъ въ наречіе бѣлорусское, которое вовсе не терпитъ звука *o*, замѣняя его, безъ ударенія, звукомъ *a*; съ удареніемъ же — звукомъ *u* или *у*.

Это западное бѣлорусское отвращеніе отъ звука *o* и насильственное обращеніе его въ *a*,

равно какъ и противное сему, на востокъ, поражаетъ ухо наше непріятно, особенно противно первое.

4) Отъ Москвы на сѣверъ языкъ принимаетъ говоръ новгородскій, который очень близокъ ко владимірскому, и хотя въ различныхъ мѣстностяхъ выказываетъ свои особенности, не менѣе того едва ли представляетъ общій всему краю отличительный признакъ. Вѣрнѣйшая примѣта, коли слышится и вмѣсто ъ, какъ на Украинѣ: *хлебъ, сино, бида*, но это встрѣчаемъ не вездѣ. Что въ промежуточной Твери господствуетъ смѣшеніе наречій, объ этомъ было уже упомянуто выше.

5) На югъ отъ Москвы разливается наречіе рязанское, которое, отличаясь отъ западнаго или смоленскаго гораздо положительнѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго, раздробляется почти по губерніямъ на говоры. Въ рязанскомъ наречіи акаютъ, замѣняя даже *е, ъ* буквами *а, я* на примѣръ: *табѣ; яму*; но и съ удареніемъ слышно; сверхъ того произносятся окончанія *аго, яго* какъ оно пишется, не вставляя *в* вмѣсто *г*.

6) Отъ этихъ наречій отличается нѣсколько сибирское, смѣшанное, часто перестанавливающее ударенія, но вообще окающее, и

7) Новорусское, смѣсь велико-и малорускаго. Сюда же можно причислить и говоръ донской, или, пожалуй, назвать его осьмымъ.

Изъ этого видно, что главныхъ раздѣленій только два: *высокій* и *низкій*, или *акающій* и *окающій*, или *сѣверный* и *южный* (отъ Москвы) говоры, изъ которыхъ каждый дѣлится на два (сѣврн. и востч. *окающіе*, южн. и запд. *акающіе*), въ которыхъ есть еще подраздѣленія.

Вотъ семь наречій рускнхъ, или же, за исключеніемъ московскаго, какъ письменнаго, а сибирскаго и новорускаго, какъ болѣе смѣшанныхъ, только четыре, по четыремъ странамъ свѣта отъ Москвы; съ ними, а равно съ видами ихъ, необходимо познакомиться каждому, кто занимается собираньемъ простонародныхъ словъ, или вообще изучаетъ языкъ нашъ отъ корня, а не отъ скороспѣлыхъ ягодокъ съ червоточиной. Разсмотримъ каждое изъ четырехъ наречій

этихъ нѣсколько подробнѣе.

1. *Сѣверное наречіе.*

Сѣверное наречіе, или новгородское, ильменское, верхне-руское, господствуетъ на сѣверѣ отъ Москвы и на сѣверо-востокѣ. Давно уже было замѣчено сходство этого наречія съ малорускимъ. Можно бы предположить, что ильменскіе славяне, огласившіеся въ половинѣ IX вѣка, вышли съ юга, отдѣлившись отъ славянъ днѣпровскихъ, и принесли съ собою на сѣверѣ южное наречіе; но М. П. Погодинъ замѣтилъ противъ этого, что не только во время Рюрика, да и до нашествія татаръ, въ Малой-Руси жило не нынѣшнее племя; въ противномъ случаѣ въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ осталось бы болѣе слѣдовъ малорускаго наречія, и украинцы, народъ пѣвучій и весьма склонный къ думамъ и былинамъ (въ противность великорусамъ), сохранилъ бы въ памяти своей хотя Владиміра; но этого нѣтъ, а есть на Украинѣ много воспоминаній о Карпатахъ, откуда народъ этотъ, вѣроятно, вышелъ въ позднѣйшее время, и гдѣ понынѣ русины и русняки говорятъ этимъ же самы-

мъ наречіемъ.

Но такъ-какъ при всемъ томъ рускіе пришли на Ильмень съ юга, съ обшей, ближайшей къ намъ родины всѣхъ славянскихъ племень, то можно кажется сказать, что новгородцы понынѣ удержали въ языкѣ нѣсколько болѣе исконнаго, тогда какъ, по направленію на Рязань и на Владимірѣ, языкъ этотъ, при смѣшеніи народа съ чудскими племенами, принялъ тутъ и тамъ другую краску.

У новгородцевъ впрочемъ граматика и самый говоръ вовсе не малорускіе, а великорускіе, такъ что въ общихъ съ Україною словахъ большею частью и удареніе перенесено на другой слогъ, на великорускій ладъ; неменѣе того мы слышимъ тамъ немало украинскихъ словъ, неизвѣстныхъ въ восточномъ, также окающемъ, наречіи. Южное или рязанское наречіе могло принять нѣсколько малорускаго по сосѣдству; но какимъ образомъ слова эти попали на сѣверъ? Можетъ быть, разгадку надо искать въ томъ, что слова эти зашли на сѣверъ не изъ Малой, а изъ Бѣлой-Руси, чрезъ Тверь и Псковъ; тогда главное сходство новгородскаго наречія съ

кіевскимъ ограничится наклонностію перваго къ замѣнѣ буквы ѣ буквою и; но правда, что мы встрѣчаемъ на сѣверѣ нѣсколько малорускихъ словъ, которыхъ въ бѣлорускомъ наречіи нѣтъ. Вотъ нѣсколько десятковъ словъ, для примѣра, записанныхъ въ разныхъ сѣверныхъ губерніяхъ;

Новгородской:

Черевіки, башмаки.

Свитка, сермяга.

Швецъ, портной (въ малоруск. чеботарь).

Почекать, подождать.

Позвонецъ, колокольчикъ.

Домовище, гробъ.

Орать, пахать.

Дѣковаться, насмѣхаться.

Пѣунъ, пѣтухъ (млрск. пивень).

Скіна, ломоть.

Чуть, чуютъ, слышать.

Хоронить, прятать.

Даси, дашь.

Ослонъ, стуль.

Пончóхи, чулки.

Тверской:

Трѳхи, мало.

Сподѳбить, полюбить.

Дѳсыть, довольно.

Краше, лучше.

Горше, больше.

Полицѳ, полка.

Шкода, изъянъ.

Зробить, сдѳлатъ.

Упѳрши, впервые.

Торба, мѳшокъ.

Толокѳ, помочь.

Горѳлка, водка.

Хата, изба.

Вжѳхнуться, испугаться.

Дѳж(е)а, очень.

Знайті, найти.

Ц(ы)убуля, лукъ.

Хувать, прятать.

Сопсовать, испортить.

Поратовать, спасти.

Олонецкой:

Ледѳцій, плохой.

Худѳба, имущество.

Сукма́нка, понитникъ.

Рóбить, работать.

Слúхать, слушать.

Голосíть, выть, плакать.

Вологодской:

Бажí(а)ть, желать.

Гоготáть, болтать, говорить.

Гóдь, гóди, довольно.

Губы, грибы.

Долонь, ладонь.

Дя́дина, жена дяди.

Рóбить, работать.

Хлюпать, ходить по грязи.

Смаковать, вкушать.

Що, что́.

Добродíй, благодѣтель.

Зáвсe, всегда.

Дóбре, хорошо.

Зáразъ, тотчасъ.

Осмокотáть, обсосать.

Прнтулíться, прислониться.

Опинаться, мѣшкать.

Архангельской:

Глы́зка, кусочекъ.

Гукáть, кричать.

Еднѣй, однимъ-одннѣ.

Женка, баба.

Запатрáть, замарать.

Кáпость, пакость.

Кóлышень, водная зыбь.

Послухмянѣй, послушный.

Ручнѣкъ, утиральникъ.

Стрѣлѣть, выстрѣлѣть.

Мѣхонóша, кто мѣшокъ носить, на коляд-
кахъ.

Оча(и)пóкъ, волоснѣкъ.

Звонѣ, колоколъ.

Пермской:

Боклáга, боченокъ.

Верещáть, визжать.

Досконáльно, подлинно.

Заплóть, заборъ.

Каю́къ, челнокъ.

Клюка́, кочерга.

Жменя́ (жмѣня), горсть.

Мотóрный, бойкѣй, проворный.

Ночóвки, лотокъ.

Сдивоваться, удивиться.

Независимо отъ словъ, сходство новгородскаго съ малорусскимъ, по произношенію, заключается въ слѣдующемъ:

1) Говоръ низкій, на о. 2) И вмѣсто гъ. 3) Въ окончаніи прилагательныхъ произносятся г, а не в. 4) Буквы в, у замѣняютъ другъ друга. 5) ф, х также. 6) Частица *що* вмѣсто *что*.

Всѣ примѣты эти не общія, но всѣ онѣ встрѣчаются мѣстами въ области новгородскаго наречія.

Къ новгородскому наречію надо причислить: Новгородъ, Тверь, Псковъ, Питеръ, Олонецъ, Архангельскъ, Вологду, отчасти Кострому и даже нижегородское Заволжье, Вятку и Пермь. Повторяю, предѣлы наречій и губерній или уѣздовъ не совпадаютъ; въ цѣлой области этой крайнія полосы переходныя; можетъ быть современемъ сырты и рѣки послужатъ для болѣе точнаго и положительнаго разграниченія наречій, но при нынѣшнихъ данныхъ мы несилахъ этого сдѣлать. Въ Псковской губ. по уѣздамъ слышится сильное вмѣшательство бѣлорускаго, а въ Тверской господствуетъ смѣшеніе наречій;

въ Вологодской, Костромской, Вятской и Пермской мѣстами теряются и послѣдніе отличительные признаки новгородскаго говора отъ владимірскаго; зауральская часть Перми, по наречію, принадлежитъ Сибири; даже часть Костромской и Нижегородской принадлежитъ новгородскому наречію, на примѣръ Кологривъ и Городецъ (а часть кологривцевъ рязанскіе переселенцы, и понынѣ акаютъ), тогда-какъ Кострому и Нижній безспорно отнести надо ко Владиміру. Въ Питерѣ всего замѣтнѣе прямое искаженіе языка на французскій и особенно на нѣмецкій ладъ; корелы, зыряне, пермяки, вогулы, вотяки, черемисы, русья, переиначиваютъ нѣсколько языкъ нашъ. Чудскія племена вообще легко теряютъ языкъ и народность свою и вочью русьютъ; это надо помнить, рассматривая карту П. И. Кеппена: болѣе половины Росіи или подданныхъ ея носитъ на себѣ еще признаки разныхъ чудскихъ племенъ.

Въ новгородскомъ наречіи находимъ мы всего болѣе старинныхъ русскихъ словъ; грамотность и расколъ въ племени этомъ болѣе распространены и церковный языкъ ему зна-

комъ ближе. Слова, какъ: *пóстать* (пашня), *студенецъ* (колодезь), *выть*, *у́поводъ* (участокъ дня), *опакуша* (изнанка), *грáять* (каркать), *столова́нье* (пиръ), *óтповѣдь* (отвѣтъ), *во́лотъ* (великанъ), *борзо* (очень), *гонъ* и *гоны* (часъ ѣзды), *веретіе* (открытая возвышенность), *вервь*, *доспѣть*, *пóслухъ*, *сполохъ* и проч. извѣстны только въ новгородскомъ наречіи.

Тамъ же находимъ много мѣстныхъ словъ, не древнихъ и не перенятыхъ: *божáтко* (крестный отецъ), *умирашка* (покойникъ), *тяжелкó* (рабочая сермяга), *берэженикъ* (праздничный сарафанъ), *босовики* (туфли), *домаха* (домосѣдка), *поимáться* (обѣщаться), *поспасать* (поблагодарить), *поманіть* (погодить), *жегáлка* (свѣча), *зазоріть* (зажечь) и проч. Такихъ словъ въ новгородскомъ наречіи гораздо болѣе, чѣмъ въ прочихъ.

Есть на сѣверѣ также немало словъ, употребляемыхъ тамъ въ иномъ значеніи: *заколоть кого*, значитъ ушибить; *клікать* — побираться; *доходный* — доступный; *бродіть* — проказить; *мостъ* — сѣни; *моліть* или *принять*, *освѣжевать* — рѣзать скотину; *краска* — кровь; *дворе́цъ* — за́городъ; *потерять* —

сгубить, убить; *кругъ* — колесо; *пахать* — мести; *бѣдно* — досадно; *дивно* — много.

Опишемъ примѣты новгородскаго наречія:

1) Звукъ *о* господствуетъ, произносится всюду, гдѣ пишется и даже иногда замѣняетъ *a* безъ ударенья, на примѣръ: *тороканъ, кознá, [2] борáнки*; даже иногда ударенье, вопреки московскому, переносится на *о* или *ё*, на примѣръ: *вы говоритё, видитё, дѣвóчка, дѣвóнька, завсёгда, никóгда*.

2) Гдѣ мы пишемъ *ѣ*, тамъ новгородцы произносятъ *и*, какъ дѣлаютъ въ Малой и Червонной-Руси. Примѣта эта существенна, потому что не встрѣчается ни въ одномъ изъ прочихъ наречій; но она и не есть общая во всей области сѣвернаго наречія, а встрѣчается только собственно по губерніи Новгородской, по Тверской (тамъ, гдѣ окаютъ), въ сѣверной части Петербургской, по Ладогѣ, и по сосѣдству въ Вологодской. Мѣстами слышится то же и въ отдаленіи отъ этихъ мѣстъ, на примѣръ у Кологрива, Костромской, у Городца, Нижегородской губерній.

3) Звукъ *е* мѣстами не такъ часто переходитъ въ *ё*, какъ въ восточномъ наречіи: *ты*

ведёшь, мы ведёмъ, ты смѣешься, женка, чер-
ный, въ этихъ и другихъ словахъ произносятся
е, а не ё. Говорятъ даже *кольцѣ, хорошѣ*; но
вмѣсто *онъ, она, его*, слышимъ: *ёнъ, ёна* и *яна*,
евоновъ и *евоный*. При вставкѣ *е*, для
полногласія, оно обращается въ *ё* съ ударенье-
мъ: *верѣхъ, добѣръ, склѣзко, зѣль*, вмѣсто:
верхъ, добръ, скользко, золь.

4) Окончанія *аго, яго, ого, его*, вообще про-
износятся по-московски, т. е. *в* вмѣсто *г*, но въ
концѣ слышно *о*; мѣстами однако жъ произ-
носятся букву *г*, и говорятъ: *твоего, моего*,
добраго, худого; этотъ говоръ легко отличает-
ся отъ рязанскаго, гдѣ говорятъ какъ написа-
но: *тваяго, маяго, добраго, добрага* и *добрава*.

5) Буква *г* отвѣчаетъ латинской *g*, и произ-
носится немного тверже московскаго, при-
ближаясь къ *к*; придыханія же (*h*), въ которое
буква эта обращена на западѣ и югѣ отъ Моск-
вы, на сѣверѣ (и на востокѣ) не знаютъ вовсе.

6) Третье лицо глаголовъ оканчиваются на
ъ (а не на *ь*), иногда откидываютъ *тъ*: *онъ*
возмѣ, онъ ходи, люби; ёнъ брѣжничает, хрѣс-
ной поѣде; около Бронницы слышимъ даже
ёны ѣзда, любя (мн. ч.). Это признакъ весьма

существенный для отличія новгородскаго говора отъ владимірскаго; но и въ первомъ такой говоръ не общій.

7) Творительный и дательный падежи мн. ч. замѣняются одинъ другимъ: признакъ существенный, но также не общій. Новгородецъ *ходитъ ногамъ, беретъ рукамъ, кóлетъ виламъ; онъ идетъ къ нами, благодаренъ вами, даетъ овса лошадыми.* Мѣстами (Боровичи) путаютъ также родительный и предложный падежи женскаго рода: *изъ Москвѣ, у рѣкѣ; поди къ рѣки, ударь по руки, отъ ногѣ, стоятъ на одной ноги.* Изрѣдка винительный падежъ употребляютъ некстати съ предлогомъ: *читатъ въ книгу; куритъ въ трубку.* Но и въ Ярославской г. можно слышать: *Не стучи ногамъ-тѣ, дай покой людми.*

Остальные признаки еще менѣе общи по всей области новгородскаго наречія; а такъ какъ я не беру на себя дѣлать подраздѣленія или опредѣлять прямо по мѣстности поднаречія, то и выпишу здѣсь только особыя замѣтки, по губерніямъ и уѣздамъ.

Г. Новгородская. Въ Бронницахъ слышимъ: идета, сидита, смотрита, вмѣсто: идетъ, си-

дѣть, смотрѣть; *мы-ка съ евонова двѣхъ копѣекъ не разбогатсимъ. Боровичи дзекають: за дѣрево циною сойдѣмси; тсяні, тсипунъ тсебѣ!* Но еще болѣе, чѣмъ дзеканье, распространено, почти отъ Ладоги до Бѣлозера, картавость другаго рода: цоканье и чваканье или чавканье, т. е. взаимная замѣна буквъ *ч, ц* одной другою: *курича, улича, черква, чолковый; целовѣкъ, гóлцыть, цестъ, сцывать.* Странность эта не можетъ, впрочемъ, служить особенной примѣтой: она встрѣчается также и въ прочихъ наречіяхъ (и болѣе на взаимныхъ предѣлахъ двухъ говоробъ), на примѣръ, въ восточномъ: во Владимірской губерніи; въ Ардатовѣ, Нижегородской; въ южномъ: въ пензенской мещерѣ, также около Касимова, даже у Можайска; въ сѣверномъ же: въ Шенкурскѣ и пр.

Въ *Кириловѣ* можно услышать восточный, особенно сибирскій, вопросъ: *чего ты дѣлаешь?* Тамъ же баба говоритъ дочери: *Шурка, постановь селезнякъ на бабурку, а сама полѣзай на верѣхъ!* т. е. Сашка, поставь горшокъ на загнетку, а сама полѣзай на чердакъ.

Въ *Череповцѣ* говорятъ: *мѣнныя дзеньги;*

що вмѣсто что́; купечъ; свитъ концáетца; букву в, послѣ гласной, измѣняютъ въ у: пѣуо, пѣуцо (пиво, пивцо); галки налѣтятъ, надо сѣсть, хочу истъ (и вмѣсто ѣ). Уѣздъ этотъ раздѣляется Шексной пополамъ: по нагорной сторонѣ, жители бойчѣе, виднѣе и наречіе ихъ почище; на лѣсной и болотной сторонѣ, жители вялы, невидны и болѣе искажаютъ языкъ.

У Бѣлозера говорятъ: убѣгъ, сбѣгъ, встрѣлъ (встрѣтилъ); умалительныя въ большомъ ходу; ёнъ, ёна, архимандрикъ; хватера, хвилинь, Хвилинь; мѣстами цокають, но не всюду.

Около Новгорода любятъ частицы: ка, се, то: мы-ка не ходимъ; се-то въ другорядъ былъ; на Бѣлозерѣ слышно болѣе отъ: говорятъ-отъ малый-отъ былъ; въ Боровичахъ прибавляютъ чу: тамо-чу, поди-чу.

Въ Боровичахъ:
Накшá, шуйца.

Въ Череповцѣ:
Коршунья, курица.
Ступни, лапти.

Тюхтя, бѣлая смородина.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ:

Гошѣть, припасать.

Калик(г?)а, брюква.

Тягúшки, рукавицы.

Хряпа, первый капустный листъ.

Доль, длина.

Губ. Тверская, по говору, самая безобразная, пестрая и смѣшаная. Туда изстари переселялись со всѣхъ концовъ, по поводу смуть, войнъ, мора и пр.; здѣсь много корелы, и дикой и обрусѣвшей, на примѣръ село Василѣво, у Торжка. Вообще окають, дзекають, цокають и чвакають, слышно и вмѣсто ъ, даже иногда вмѣсто е: *Пáвилъ*. Вставляя ю вмѣсто у, даже вмѣсто я, говорятъ: *ткють, жняютъ, возють, рубють, водють, стюдено*, и напротивъ, ставятъ у тамъ, гдѣ его нѣтъ: *утвори. утопри. упорѣзати палець, упорознилъ, узгорóда, съ палкуй, съ охотуй, вы́мую*. Творит. и дат. падежи множественнаго числа замѣняютъ одинъ другимъ. *Сколько у тебя братовъ, подушковъ, стекловъ. Я вы́стиру, сбѣгу, сдѣлу* (выстираю,

сбѣгаю, сдѣлаю); я дивусь, вѣду (дивлюсь, вѣдаю); тупай, мотри, врѣ(шь); тихонькуй, съ матерьюй, съ дочерьюй: но даже въ Тверскомъ уѣздѣ есть селенія, гдѣ акають, по-рязански. Вообще говоръ скоръ и рѣзокъ, отчего, напримѣръ, кушалаей прозвали частобаями.

Въ Волочкѣ говорятъ: мы знаема, дѣлаема — а вмѣсто ъ; *принесай, унесай*, вмѣсто: *принеси, унеси*; мужскія имена оканчиваются на гласную, а женскія на ъ и ь: *Авдоть, Ульяновъ, Степухъ, Анюхъ*; а вмѣсто *Любовь* — *Любава; Петрей, Митрей, Милай* (Нилъ); *лѣто, мѣсто, вѣкъ, рѣка*; цокають, но говоръ болѣе новгородскій, а на границѣ съ Валдаемъ буквы *ц, ы* замѣняются одна другою: *ми, мѣло, полинъ* (мы, мыло, полынь), *мыло, мылость* (мило, милость).

Въ Торжкѣ бѣльшею частью говорятъ по-московски, на *а*, но также весьма разнообразно картавятъ: *идзи въ дзереvню: онъ тсише тсебя ходзитъ*; мѣстами: *цовѣ, черковъ; хлибъ, сино*; мѣстами противный этому говоръ: *ня буду, ня хочу, ягѣ, яму, ящѣ*; и опять рядомъ и вмѣстѣ съ этимъ рязанскимъ говоромъ: *ничѣва, тобѣ, вцорáшній, целовѣкъ, чилыкъ, челэкъ, черква,*

церква; вмѣсто: родять, ходять — родзють, ходзють; своендрáвный, терплéнье, мóрдва (морда); путають падежи, твор. и дат. мн. ч., родит., дат. и предл. ед. ч.; на рѣки, на Мсты, отъ своей женѣ. Новоторки (горожанки) говорятъ жеманно, съ проволочкой на шипящихъ и твердыхъ гласныхъ, немного въ носъ: мушщина, ж-женъ-щина.

Въ *Корчевѣ*, не-смотря на близость Москвы, господствуетъ говоръ новгородскій, съ цоканьемъ и дзеканьемъ: послѣдняго почти нигдѣ не найдешь въ новгородскомъ говорѣ, кромѣ Тверской губерніи. Буква *л* послѣ гласной, какъ въ *Череповцѣ*, измѣняется въ *у*: *видзѣу, поймау, соунышко, сѣдеука (сѣделка).*

Въ *Старицѣ* говорятъ на *а* и на *о*, по приходамъ; здѣсь замѣтно сосѣдство Смоленска; не ставятъ *и* вмѣсто *ѣ*. *Питѣхъ* вм. *пятерыхъ*; *лошадевъ*; *идти къ обѣдни*; *вотъ гапила нявѣста, такъ гапила!* дрянно (очень) *ражо*, дрянно *жалобно!* *Старичанокъ дразнятъ: Возьми 40 алтынъ! «Сороци не сороци, а меньше рубля не возьму».* *Зубчанъ дразнятъ: Ты кто, молодечъ? Зубчовской купечъ; а гдѣ билъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ!* Въ *Зубцовѣ*

слѣды новгородскаго наречія еще болѣе исче-
зають и смѣшивается рязанское со смолен-
скимъ. Чѣлковый, чапля, цево, цово, чово, то-
во, ягб, яму умыва́цы, божі́цы; путсѣмъ, ба-
чюшка, стра́циль, земчугъ, твѣты, стипѣло
(вскипѣло); хошя, чижолый, священникъ; кар-
тинковъ, лаптевъ; имена уродуютъ, какъ въ
Волочкѣ; говорятъ по-курски: онъ ходить,
видить, гуля́ить, и до-того сбились въ
произношеніи *a* и *o*, что говорятъ: *мы имъ па-
дѣримъ*, т. е. *a* вм. *o*, потомъ *o* вмѣсто *a*, и еще
с удареньемъ!

Во *Ржевѣ* находимъ еще болѣе непріятную
смѣсь, въ которой господствуетъ бѣлорусское,
но, къ удивленію, есть и малорускія слова. Цо-
кають, дзекають, *z* произносятъ придыханье-
мъ, ставятъ *x* вмѣсто *ф*, и наоборотъ; *y* вм. *в*; *я*
вм. *е*; *ы* вм. *o*; двойное *ш* вм. *щ*; но говорятъ
по-великоруски: *евто, эвтомъ, какой, какимъ*
(а не *якой, якимъ*); *говѣрюць, усѣ, уцѣра, вѣцин-
на* (очень), *домѣвъ* и *домѣу* (домой), *яшто*
(еще); *похаживу* вмѣсто *похаживаю*; *кури(ы),
курямъ*, и даже по-новгородски путають па-
дежи. Горожанки приторно распѣвають.

Бѣжечанъ дразнятъ: *Нашей рици иісце въ*

світи ниту! Здѣсь рускіе говорятъ еще хуже корель, которыхъ узнать легко по тому, что у нихъ баба *онъ*, мужикъ *она*; они также *приносятъ* лошадь, *ломаютъ* веревку, *отрываютъ* или *рвутъ* палку и оглоблю; бѣжечанки говорятъ невыносимо нараспѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ: *Дѣмѣвѣя* (т. е. хозяйка), *удѣлѣлась ли ты-ы?* Сравнивая пріятный напѣвъ говоркомъ олончанки съ бессмысленнымъ напѣвомъ бѣжечанки, понимаешь, что такое значить просодія.

Въ *Кашинѣ* и *Колязинѣ* слышится что-то ярославское, говоръ становится еще ниже, на о. но говорятъ: *сѣвиръ*, *каминь*, *цоловикъ*, также *ковдѣ*, *внѣго*, а то и другое есть уже примѣта сѣвернаго наречія; также цокаютъ, но не вездѣ; рѣдко чвакаютъ; вмѣсто частицъ *та*, *то*, слышно болѣе *отъ*, *ко*, *тко* и притомъ не безразлично: къ суц. м. р. на *ъ* придаютъ *отъ*: *человѣкъ-отъ*; къ средн. р. придаютъ *то*: *лицо-то*, *яйцо-то*; къ жнс. р. и вообще ко мн. ч. придаютъ частицу *тѣ* или *те*; *та* вовсе не слышно: *церковь-тѣ*, *баба-те*, *люди-те*. Много ли у нея *комнатъ*? Сколько *горницъ*? *Мое*

употребляется вмѣсто *мой*: *это мое цыпленокъ*.

Въ *Осташковѣ*, и еще болѣе въ *Весьегонскѣ*, наречіе новгородское. Около перваго однако же слышно вліяніе Пскова, и часть осташей цокаеть: *цаво́, ъдзь*, т. е. поѣзжай, и пр.

Особенныя слова Тверской губерніи:

Старица:

Конюхъ — ковшъ.

Саянъ — сарафанъ.

Га́питель — кричать, ревѣть.

Осташковъ:

Жагра́ — трутъ.

Вы́людье — диво.

Жиш(ж)ка — поросенокъ.

Ржевъ:

Цапе́ла — сковорода.

Упу́диться — испугаться.

Су́дница — кухня.

Весьегонскъ:

Висля́га — шатунъ.

Дудора — дрянъ.

Зобать — хлебать.

Губ. Псковская далеко не представляет той пестроты и смѣшенія наречій, какъ Тверская, но и тамъ Псковъ, Порховъ, Холмъ болѣе принадлежать Новгороду, а Опочка и Великіе-Луки — Бѣлорусіи, хотя и не на столько, какъ тверское Заволжье (Ржевъ). Вообще псковское наречіе отличается превратнымъ удареньемъ и искаженемъ словъ. И здѣсь замѣняютъ дат. и предл. ж. р. ед. ч. одинъ другимъ и ставятъ дат. вмѣсто творит. мн. ч., но не замѣтно обратнаго: рыба въ воды, не чеши въ головы, сиди въ комнаты; къ рѣкѣ, къ ногѣ; уха съ рыбѣ, снятъ съ головѣ, подлѣ избѣ; у стѣнѣ; торгую съменамъ, беру своимъ рука-мъ; иногда надъ людемъ, вмѣсто: людьми; гостевъ, лицевъ, ножевъ; легóше (легче), крѣпóше, тонéше; чернѣйщій, славнѣйщій, бѣлѣйщій; иногда слышно *и* вмѣсто *е*: видрó, ты увязнишь, отъ вѣрбочикъ; однáя работа, однóе дѣло; оны, самы, за однимъ; тая (вмѣсто та), тую, тоё, тые (тѣ), тяхъ, тыми; этое, евоный, ихный; я скакаю (скачу), ты хо-

чишь (хочешь), вы хóчете; здѣсь-то собственно въ третьемъ лицѣ откидывается иногда *ть*: онъ поё, боронúе, хóдя, сидí, мѣря, видя, она слы́ша. У, в переставляютъ: у него не улѣзешь, въ мене есть. Около Порхова чавкають: овча, чаловать, черква; но цокають только въ западныхъ уѣздахъ: цáска, ницовó. Въ прозваніяхъ удареніе переносится на овъ: Егорóвъ, Захарóвъ; говорятъ: намастырь, ндравъ, гнила (глина), облизьяна, пскопской, наскрозь, скусно (вкусно), страженье, слободный, затъвы (затѣи), кожинный, піялка (піявка); охвóта (охота), штохвъ.

Особья слова Псковской губерніи:

Журавина — клюква.

Читый — трезвый.

Баркáнъ — морковь.

Кали́вка — брюква.

Бли́цы — грибы.

Шúпель — колдунъ.

Стрека́ва — крапива.

Вóдось — пойма.

Гульба — картофель.

Пѣтунъ — пѣтухъ.

Упáкать — утрафить, уладить.

Боляхный — большой.

Вологодская губ., въ сѣверныхъ уѣздахъ, или на Югской-сторонѣ, начиная отъ Великаго-Устюга, Лальска по Двинѣ и Вычегдѣ, принадлежитъ болѣе къ Архангельской, и говоръ одинъ; въ южныхъ, отъ самой Вологды, онъ переходитъ въ суздальскій, принимая на рѣк. Унжѣ, Вóхмѣ, Сысолѣ — не въ пользу свою — особенности костромскаго и вятскаго. Югскіе крестьяне рускіе по племени и походятъ на архангельскихъ; въ Вохменской-части, къ Костромѣ и Вяткѣ, народъ бѣднѣе, невзрачнѣе, грубѣе, и говоръ таковъ же; Подгородная или Тотемская-часть мало чѣмъ отличается отъ второй; и здѣсь вы можете быть увѣрены, на примѣръ, что на вопросъ: откуда ѣдешь? мужикъ непременно самъ спроситъ; откуда ѣду? или напередъ еще: кто? я? и только послѣ раздумья и почески отвѣтитъ: а съ Вóхмы, либо: съ Сухóны!

Во всей Вологдѣ говоръ очень низкій, на о; ѣ часто произносится какъ и, вмѣсто ч ставятъ и, цай и цяй, подъяцѣй, стипцы, сцитать;

иногда *ця* вмѣсто *ча*. *шша* вмѣсто *ща*, *шт* вм. *щ*; но *ч* вм. *ц* слышно гораздо рѣже. Окончаніе *ся* измѣняется въ *це* и *сы*: кататцѣ, дѣлатсы, купатсы, при чемъ мягкій знакъ *ь* выкидывается; надѣявсѣ, вмѣсто: надѣялся; пенѣть, вмѣсто: пенять; дат. пад. мн. ч. идетъ за творительный, но обратнаго (какъ въ заволжскомъ новгородскомъ говорѣ, нпр. въ Городцѣ) не слышно.

Въ Устюгѣ говорятъ *ею*, вмѣсто *ее*: онъ ею любилъ; *ѣйця*, вмѣсто *яйца*; ты зна'шь, онъ быва'тъ, ты, тѣ, вм. тебя, тебѣ; сколько день; Миколаха, Любаха, Ондрюха; Полѣниха, вмѣсто Полѣнова (прозваніе); прозванія на *ий* оканчиваются на *ей*: Каменской, Лисовской; скоряя, добряя; и наконецъ *що*, вм. *что*,— примѣта, общая нѣкоторымъ мѣстностямъ новгородскаго и рязанскаго наречій, но чуждая суздальскому. Къ Вяткѣ слышно: пошоу, нашоу — *у* вм. *в*. Древность здѣшняго населенія рускими, особенно Устюга, доказывается тѣмъ, что сохранилось много старыхъ словъ, неизвѣстныхъ въ другихъ областяхъ.

Особья слова Вологодской губерніи:

Тожно́ — тогда.
Чапа́ться — качаться.
Буга́й — сарафанъ.
Витѣнь — кнутъ.
Гляди́льцо — зеркальце.
Жубри́ть — жевать.
Дерба́ — залежь подъ лѣсомъ.
Иско́сина — косынка.
Медуни́ца — пчела.
Палка́ть — скакать.
Припра́ва — приданое.
Просужі́й — разсудительный.
Плавъ — огниво.
Буты́скаться — бодаться.
Прѣстенъ — початокъ.
Солощій — жадный.

Въ *Вятской* губ. находимъ говоръ самый грубый, именно, какъ говорится, мужичій; нигдѣ не услышишь такихъ грубыхъ и рѣзкихъ: ште, що, толды́, колды, завсялды; языкъ ворочается вяло и тяжело, говоръ тягучій, иногда съ пригнуской. Кромѣ изза-московныхъ переселенцевъ, на примѣръ мо-словскихъ, говоръ самый низкій; но вятское

о произносится мѣстами уо или уы, почти какъ въ задеснинскомъ, черниговскомъ краѣ: ничевуо, спруосъ, собуолья. Этотъ двугласный, едва ли не чудскій звукъ встрѣчается также, кромѣ Вятки и Бѣлорусіи, на взаимныхъ предѣлахъ восточнаго и южнаго наречій, у мещеры, въ Егорьевскѣ, Касимовѣ, Муромѣ. Буква ѣ на Вяткѣ только въ началѣ слова произносится какъ и: истъ, издить (ѣистъ, ѣиздить, мягкій знакъ ѣ передъ и показываетъ двугласное произношеніе гласной и), очень рѣдко въ срединѣ, напримѣръ въ Слободскомъ: штѣ нюни-тѣ повѣсилъ; иногда наоборотъ: въ черквѣ, въ селеньѣ. Опеть, петь, снетъ, вмѣсто: пять, снятъ: цивера (чирий) бы тѣ сѣла на языкъ-отъ, не сталь бы горло-то пелить; и вмѣсто е: тибѣ, нивѣста; наоборотъ: ште-ле, ште небудъ; нигдѣ нѣтъ столько ё, іо, какъ на Вяткѣ: цѣрный, воскресеньё, заговѣньё, при чемъ это конечное іо вытягивается такъ, что слово получаетъ два долгіе слѣга. Ч и ц замѣняютъ другъ друга, или слышится ни то, ни другое: ворцѣть, караціонъ; бѣль, какъ изъ мильчя выдерненъ (какъ изъ мильца выдернуть); эка ветъ цистюнка: ла-

цѣтъ ни лацѣтъ изъ цяшки-то! Пóмлю, сваль-ба; вмѣсто *щ* двойное *ш*: шшóки, отошшáтъ; жо вм. же: набиль-жо, жолáнный; союзъ *и* вставляютъ безъ толку: и штё и за робёнокъ; ну штё и за парень; глаголь *дуть* спрягаютъ по-малоруски, какъ жать, жму: онъ дметъ, я дму. Въ Малмыжѣ, и частію въ Уржумѣ, ставятъ *х* вмѣсто *ф*, но никогда не слышно *хв*: Памхиль, хилинъ, хляга.

Говоръ вятчанъ впервые надоумиль меня о происхожденіи болгарскаго послѣдовательнаго члена, который производили съ греческаго; частицы: отъ, ать, то, та, тѣ, прилагаются на Вяткѣ не безразлично, а по родамъ, какъ и между Колязиномъ и Угличемъ: парень-отъ (или то) гождь, да дѣвка-ать (или та) не баска́, а ужь сватьи-тѣ (этѣ) больно не ражи!

Особья слова Вятской губерніи:

Дрокомеля — пустобай.

Ѣсвяный — съѣдомый.

Засулиться — обѣщаться.

Пухтаръ — лекарь.

Тырта — спорщикъ.

Кры́каться — сердиться.

Шкурéть — шутить.

Черепань — гончарь.

Извещевать — истратить.

Ходовóй — пѣхотный.

Нáче — лучше.

Чемодурь — самоварь.

Дочка — свинья.

Бляблá — оплеуха.

Пермская губернія, по наречію, западною частію своею вполнѣ принадлежитъ Вяткѣ, сѣверною сближается съ Архангельскомъ (по р. Колвѣ, Вишерѣ), южною — къ смѣси сѣвернаго и восточнаго говоровъ, а вся зауральская область, не только по географіи, но и по этнографіи, принадлежитъ къ Сибири. Здѣсь постепенно новгородскій и суздальскій говоры сливаются, и смѣсь эта не представляетъ столько особенностей, чтобы ее можно было означить своимъ наречіемъ. О пермякахъ говорятъ: худъ пермякъ, да два языка зна'тъ, т. е. свой и рускій.

Чусовляне, хотя и окаютъ, однако не столько чуждаются буквы *а*, замѣняя ею даже ино-

гда е, ё, и, у: съ тахъ поръ, можа-быть, калды-башъ, откáль, докáль, или, наоборотъ: счѣсье, начѣльникъ, зеть (зять), куды, туды, шлепенка; ишо, робята, нонъ, тотáринъ; сусъдъ, очунь, очунно; до сяхъ поръ, опослѣ, изрѣдка и вмѣсто ё: вись (вѣсть), пѣсня, мѣсяць; польга, вм. польза, грузли, вм. грузди; нѣсколько цокають, но не чвакають, иногда ставятъ с вм. ц: сарь, отесь, сапля. Около *Оханска*, напротивъ, услышите: отечъ, брáтечь; также: штё, щё, вмѣсто что́; бачка, мачка, шти. Въ *Кунгурѣ*: ишо, висть (вѣсть), хоцю, нецево, оногдась, хресъѣнинъ, братечъ. Въ *Красноуфимскѣ*: цяръ, овця, оконница; кольцё, полотенцё; мидь, медвидь, съисть, сѣть (сѣять), стрилѣть (стрѣлять); ц вм. ч, двойное ш вмѣсто щ, иногда с вмѣсто и: колѣцько, крешшѣнье, ўлиса; хозеинъ, боеринъ, навѣста (невѣста), студеный, вострый. Воспóдь; ты кидашша (кидаешься), домагашша; здѣсь говорятъ: рублевъ, коневъ, свадъбей, судьбей; здѣсь ходють, ъздють (но не ъздють. это курское) и даже купють (покупають, примѣта сѣвернаго говора). Иногда слышно: отдай рукамъ, пить чаша, надѣть шуба, ру-

бить капуста — это старина, и притомъ также новгородская. Въ *Соликамскѣ* почти все то же, но окають погрубѣе: торелка, тороканъ, корованъ, и это походить на примѣсь суздальскую; зато, кромѣ окончанія предл. падежа, ъ почти всегда обращается въ *и*.

Въ *Чердыни* живетъ еще старина руская, какъ при царяхъ, и притомъ старина не раскольничья: речь напоминаетъ здѣсь Киршу Данилова и Посошкова. Говоръ нѣсколько протяжный, но не вялый, не дзекають, мѣстами цокають, охотно оканчивають глаголы на *и*: ходѣти, говорити, жеччи (жечь), теччи, леччи; гонѣть, вм. гнать; зидежѣть, вмѣсто задѣть; стрѣлѣть, вм. выстрѣлѣть; шщука (щука), умываешша (ешься), цудо, огнѣвъ, книговъ; привѣть гостя: здорово въ избу! отвѣть хозяина: пользай на избу! т. е. просимъ. Въ *Чердыни*, вѣроятно отъ пермяковъ, взять обычай прибавлять ко глаголамъ некстати ся: я шился, мылась (стирала бѣлье), садилась въ огородъ, даже трепалась лень и пр.

Въ *Верхотурьѣ* почти все то же; замѣчательно только, что *ѳ* иногда

замѣняютъ буквою х, а наоборотъ почти всегда: до сифъ поръ, тѣфъ, этефъ, многифъ, добрыфъ; увѣряютъ — чего я самъ не слышалъ — будто тамъ же ставятъ третье лицо глагола вмѣсто перваго: я сдѣла'тъ, вместо: сдѣлаю. Есть сибирскія (новгородскія?) ударенья: говорѣть, множѣство; сибирское *чего*, вмѣсто *что*, и вопросъ: чѣихъ вы? *вм.* какъ вы прозываетесь? также: восударь, восподинъ, восударство; на Гороблагодатскихъ заводахъ выдаютъ хлѣбъ *по билетам* и возятъ его *конямъ*; носятъ вода, косятъ травá.

Въ *Осѣ* и *Кунгурѣ* ставятъ *ш* вмѣсто *ч*, *щ*: свѣшя, шши; дѣлатъ рукамъ, отдать дѣтьми; емя, *вм.* имъ; слышно также: свича, сидить, но на заводахъ говорятъ: свѣча, сидѣть.

Въ *Екатеринбургѣ* наречіе то же, съ примѣсью еще болѣе сибирскаго, и при всемъ томъ съ признаками новгородскаго: вмѣстѣ, витерь, звирь, дилить; чей (чай), озѣбнуть (озябнуть), потерѣть (потерять); гледі, сястриса, какой молодесъ на улисѣ; лисо твое цево-то не ладно; а на цево это (на что)? Твѣты, бачкя, обвѣтъ (обѣтъ), обвязанъ (обязанъ), богатество; смысель, фалить, фастать, ходить

босымъ ногамъ по улисами, продать мука́, богачевъ, людевь, куплять, звоня́ть (некакъ звоняють? т. е. звонятъ), высокя́нной, долгя́нной; охотно вставляють: ну, то, ко, ся, бы; примѣсь суздальскаго (владимірскаго или ярославскаго) оказывается, напримѣръ, въ частичкѣ т'во́но-ди, т'во́но-дки и пр.

Въ *Шадринскѣ* языкѣ чище прочихъ мѣсть Перми: не услышишь *уо*, ни-же *ь, я, ю, у, ши, ц*, вмѣсто *ъ, е, я, а, щ, ч*; раздѣль, мѣра, вѣсь, рѣка, свѣтъ, не искажаются, но говорятъ: мѣрять, дѣлѣть, рѣчь, звѣрь; купить корова, срубить изба; 3 л. вмѣсто 1-го: я это сдѣлаеть, я дойдетъ; здоровящей, худящей; *что* произносится чисто; не путають *ф, х*. Въ Ирбитѣ говоръ вполнѣ сибирскій.

Особья пермскія слова:

Сугорокъ — пригорокъ.

Веньгать — плакать.

Вáтолить — пустобаить.

Зубы́лда — зубоскаль.

Естенный — зажиточный.

Дыбать — шататься.

Подскоръ — мѣхъ, на шубу.

Ба́словка — побасенка.

Съчи́ще — подсъ́ка, чищоба.

Оследни́къ — срубленный и очищенный строевой лѣсъ.

Верхни́ца — сарафанъ.

Вила́вый — лукавый.

Вю́бродки — отóпки.

*Олонецкая губернія по говору опять ближе къ новгородской, какъ встарь писали и какъ нынѣ олончане произносятъ. Речь олончанъ скорая, бойкая, нараспѣвъ и говоркомъ; бабы и дѣвки переносятъ удареніе по этому распѣву, на примѣръ: въ городу́, жи́ветъ, спрóси; по́ди, вóзьми, и повышаютъ голосъ въ концѣ речи, которая у нихъ всегда выходитъ будто вопросительная. Мѣстами легонько цокаютъ, но всего замѣчательнѣе произношеніе окончаній *аго, его*: по всему сѣверо-востоку, какъ и въ письменномъ языкѣ, букву *г* замѣняютъ буквою *в*; здѣсь говорятъ: дóброго, сінёго, обращая только *а* въ *о*. То-же встрѣчается, только изрѣдка, въ другихъ губерніяхъ, на примѣръ: въ Костромской и заволжской части Нижегородской, гдѣ въ*

весьма многихъ селеніяхъ можно услышать: спаського попа, могутнóго, съ произношеніемъ, какъ слова эти написаны. Не мало словъ перешло отъ карель и зырянъ.

Особыя слова Олонецкой губерніи:

Пірзать — плакать.

Кáрзать — рубить дрова.

Воровый — скорый, бойкій.

Глудкій — скользкій.

Дорóдно — много.

Дѣльницы — рукавицы.

Имушки — жмурки.

Ківца — цѣвка въ челну.

Катúля — салазки.

Крестцы — распутье.

Губ. *Архангельская*. Говоръ очень схожъ съ олонецкимъ, кромѣ распѣва и скороговорки; первый отличается отъ олонецкаго особымъ удареніемъ и повышеніемъ голоса, съ удвоеніемъ гласной въ началѣ или концѣ речи: кумашникъ ново-ой; что говори-ишь; вообще всюду наречіе новгородское, но, по обширности губерніи и разъединенію жителей

ея, въ говорѣ есть маленькая разность: кемскіе и кольскіе моряки, смолокуры вагане, шенкурскіе пахари, пинежскіе звѣроловы, пустозерскіе рыбаки, оленные ижемцы, холмогорскіе скотоводы, онежскіе лѣсники — никогда взаимно не сходятся, и привычное ухо различить ихъ говоры.

Удареніе встрѣчается сибирское: дикой, дрѡва, застава, родится, молоченье, ѣдкой, нѣльзи, парá, потолокъ, толстой; въ концѣ за гласной иногда слышится у съ краткой: батюшкау, Аннау; мѣстами цокаютъ и даже чвакаютъ, но въ производныхъ: купечество, кончина, не картавятъ; ешо, мѣшанка, шеголюха; вси, рѣци (рѣчи), вмистяхъ, встокъ, двуродный, зам(к)нуть, здѣ, 'мотри, тол(к)нуть; въ прилагательныхъ женскаго рода буква я откидывается; есть и вставки: во-забыль, каменя, кореня, пинуть, скатереть, челонѡкъ, четвереть: плыть по воды, на второй версты, на скамьи, на лавки; послать посылка, проводить сестра, топить баня; веселяе, смѣляе, громчае, корочае; и здѣсь мѣстами слышно великого, доброго, т. е. го, а не ва; даю, продаю, вмѣсто: дамъ, продамъ;

даваю, даетъ, вмѣсто: даю, даетъ; они ходя', неся', говоря', глядя' и проч.

Пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губерніи уменьшается, она сильнѣе по Печорѣ, Мезени, Двинѣ; сильнѣе цокають по Мезени, менѣе въ Пинегѣ и Холмогорахъ; языкъ чище въ уѣздахъ; Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ; въ послѣднемъ есть малая примѣсь лопарскихъ словъ, какъ въ Онежскомъ чудскихъ, въ южной Мезени и Шенкурскѣ зырянскихъ, на сѣверѣ Мезени самоѣдскихъ; самый нечистый говоръ по Печорѣ. Въ губерніи этой довольно много малорусскихъ словъ, между прочимъ всегда говорятъ *рѣбить* вмѣсто работать, *орать* вмѣсто пахать, а это слово значитъ подметать, мести. Промысловыми мореходными реченіями архангельцы богаты; у нихъ есть, между прочимъ, рускія названія всѣмъ компаснымъ румбамъ.

Особія архангельскія слова:

Выступки — башмаки.

Пѣрно — прочно.

Ботаться — болтаться.

Хрушкѣй — крупный.
Упадѣ — падалѣ.
Виратѣся — вратѣ.
Грѣятѣ — хохотатѣ.
Диковѣтѣ — дурачитѣся.
Водопоймянѣ — поемное мѣсто.
Залѣомѣ — громозда льдинѣ.
Носѣокѣ — гарпунѣ.
Катарѣ — переднѣй ластѣ моржа.
Ледоплѣавѣ — вскрытѣе рѣки.
Рѣкостѣавѣ — замерзанѣе рѣки.
Манѣиха — обманчивая убыль воды.
Стамѣуха — ледяная гора на мели.
Нѣоги льда — подводные ледяные кряжи.

2. Наречіе восточное.

Къ восточному, или суздальскому, владимірскому, нижнерускому, или низкому наречію должно отнести губерніи: Владимірскую (съ частію Московской), Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Оренбургскую, въ Костромской и Нижегородской замѣтна примѣсь сѣвернаго; а часть Вятской и Пермской могли бы быть причислены къ восточной полосѣ. На югъ отъ владимірскаго господствуетъ рязанское наречіе; на сѣверъ,— новгородское; Сибирь, успѣвъ уже со времени населенія своего образовать свой особенный говоръ, по наречію показываетъ смѣсь всѣхъ говоровъ, но болѣе новгородскаго и владимірскаго.

Отличительные признаки восточнаго наречія:

1) Говоръ окающій, самый низкій; не только *о* никогда не обращается въ *а*, но даже и письменное *а* слышно тамъ только, гдѣ на него падаетъ удареніе; *о* произносится грубо, протяжно, самую глубину пасти, еще

звучнѣе, чѣмъ въ наречіи сѣверномъ; равно буква *e* чаще произносится *ё*; *o* никогда не обращается въ двугласную *uo* или *uy*, но, въ немногихъ односложныхъ словахъ, *o* переходитъ въ *a*, вопреки духу этого наречія, какъ, наоборотъ, въ южномъ, акающемъ наречіи, иное *a* некстати переходитъ въ *o*; то и другое болѣе въ словахъ односложныхъ.

2) Не произносятъ *и* вмѣсто *ѣ*, ни *я* вмѣсто *e*, ни наоборотъ.

3) Въ окончаніяхъ прилагательныхъ: *аго*, *яго*, *его*, произносятъ *в* вмѣсто *г*, но не по-московски, а съ оканьемъ; мы говоримъ: харóше-ва, лішнева, своево́; владимірцы говорятъ: хорóшово, лішнёво, своёво́; буквы *г*, которая въ окончаніи этомъ слышна мѣстами въ сѣверномъ говорѣ, никогда въ восточномъ не произносятся.

4) Въ прочихъ случаяхъ, буква *г* произносится твердо, никогда не измѣняясь въ придыханье.

5) Третье лицо глаголовъ оканчиваютъ твердо, какъ въ сѣверномъ: онъ ходитъ, глядитъ, а не мягко, какъ въ рязанскомъ: онъ хóдитъ, онъ глядитъ.

6) Дзеканье, свойственное сплошь западному говору и перешедшее мѣстами въ сѣверное, нигдѣ не встрѣчается въ томъ же видѣ въ наречіи восточномъ: въ двухъ только губерніяхъ, Владимірской и Нижегородской, на весьма ограниченной мѣстности, къ цоканью и чавканью присоединяется родъ дзеканья, но не общаго, т. е. въ немногихъ только случаяхъ или словахъ, а вообще буквы *т*, *д* произносятся чисто.

7) Никогда не откидываютъ въ 3 л. глагола окончаніе *тъ*, какъ дѣлается въ рязанскомъ наречіи и мѣстами въ новгородскомъ.

8) Обычно не замѣняютъ одинъ другимъ творительные и дательные падежи множественнаго числа, ни родительный и предложный средняго рода единственнаго числа, ни, наконецъ, именительный женскаго рода единственнаго числа не употребляютъ вмѣсто винительнаго. Все это встрѣчается только какъ изъятіе на общихъ предѣлахъ сѣвернаго и восточнаго наречій, и какъ примѣсь перваго.

9) Частица *что* всюду на востокъ произносится одинаково: *што* | никогда и нигдѣ не слышно сѣверное: *штé*, *щё* или *що*.

10) Никогда не замѣняютъ буквъ *ф*, *ѳ* буквами *х*, *хѳ*, ниже наоборотъ, какъ въ рязанскомъ и мѣстами въ новгородскомъ.

11) Никогда буквы *у*, *ѳ* не замѣняются одна другою, какъ въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и мѣстами въ новгородскомъ говорѣ.

Старинные слова и обороты попадаются гораздо рѣже, чѣмъ въ сѣверномъ наречіи; показаннаго въ новгородскомъ наречіи сходства съ малорусскимъ нѣтъ, кромѣ развѣ одного только общаго оканья.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ ни одного всеобщаго, отличительнаго признака между новгородскимъ и владимірскимъ наречіями, а притомъ, что всѣ частные признаки — отрицательные. Напротивъ, различіе владимірскаго наречія отъ смоленскаго, рязанскаго, московскаго легко можетъ быть выражено въ признакахъ прямыхъ, положительныхъ.

Въ восточномъ наречіи гораздо менѣе разнообразія и отличія по полосамъ или губерніямъ; въ немъ болѣе татарскихъ словъ, чѣмъ въ сѣверномъ, напримѣръ: чокчуры — башмаки; курганъ — рукомойникъ; кутёно-

къ — щенокъ; чекмарь — песть, колотушка; шаберъ — сосѣдъ; кульма — мотня невода, и проч.; есть довольно словъ отъ русскихъ корней, собственно, восточному наречію принадлежащихъ; есть такія, которымъ дано здѣсь особое значеніе: поводокъ — пуповина; холиться — мыться; круговой — безумный, и проч. Въ Нижегородской много полуобрусѣлой мордвы, съ нечистымъ произношеніемъ; въ Симбирской слышно нѣсколько чувашскихъ словъ; въ Казани и Оренбургѣ въ обиходѣ татарскія или монгольскія: малахай — шапка, яргакъ — коневій чапанъ; ябага — шерсть; саба и турсукъ — бурдюкъ, мѣхъ, кожаный мѣшокъ; балта — топоръ; на Линіи образовалась особенная смѣсь языковъ: продажа на срокъ называется кутермой; руская баба — марджею (Марья); сливки — каймачокъ; слова въ родѣ: шабренокъ, айдате, камчи, маръ, маликъ, баранчукъ, баганъ, куянь и проч. слышны безпрестанно.

Во *Владимірѣ* говорятъ: што ужъ за чел'экъ, нѣча баить; брачско сѣрчѣ. Любятъ творительный падежъ: стоймя и стойкомъ,

лѣжба, должѣмъ; также прилагательныя
усъченныя; а превосходная степень на *ѣющій*:
славнѣющій; неопредѣленное наклоненіе лю-
бять оканчивать на *чи*: печи, стеречи;
дѣлашь, дѣлать, дѣламъ; надѣзривать, вмѣсто:
надзирать; кѣчень, вмѣсто: качанъ; спѣлошь,
вмѣсто: сплѣшь; пѣсево, вмѣсто: пастѣба;
бѣтовъ, вмѣсто: бѣтва; кѣзанки, жомѣчки,
сѣло, іовѣ, дѣброво и проч. Въ казенныхъ
селеніяхъ говоръ ниже, окають еще болѣе. Въ
Переяславскомъ уѣздѣ произносятъ: *м* вмѣсто
в, и наоборотъ: *м(в)нукъ*, *вного*, *повно*; *в*
вмѣсто *г*: *ковда*, *товда*; *с* вмѣсто *ш* и наобо-
ротъ: *яс(ч)ной* пирогъ, *яшно* на небѣ; *с* вмѣсто
ч, *ц*: *молѣсное*; *пости* такъ, *свѣты* и *твѣты*; *ц* и
цч, вмѣсто *ч* (особенно въ *Залѣсьѣ*): *целѣкъ* и
цчелокъ, *цчerkва*, *цчово*, *цово*; говорятъ
также: не *тѣче* (не только), *ничо* (ничего),
ка'тца (кажется), *хо'тца*, *подѣ* (поди), *разѣ*
(развѣ), *тамоди*, *тугоди*, *Ванькя*, *Ваньтя*, *Лиса-*
фья (Лизавета), *ложковъ*, *болѣзнѣвъ*; *возми-*
тѣ, *говоритѣ*, въ дѣепричастіи прошедшемъ
удареніе переносится съ корня на конецъ:
бравші, *брамші*, *взямшісь*, *напилась*, *напив-*
шісь. Вообще по *Замытью* и *Заболонью* гово-

рять похуже, цокають и чвакають, что́ однако же нынѣ выводится и слышно болѣе у стариковъ. Говорять, что здѣсь изрѣдка можно услышать сѣверное: не сноситъ голова́, купить коро́ва.

Въ *Суздаль* почти все то же: экой цолоэцыкъ, только пришель, да опять на ўлку (улицу); стрѣкать, вмѣсто доить, хрупакоцки — орѣхи, чесмышокъ — гребенка, и проч.

Въ *Ковровскомъ* и вѣроятно въ другихъ ўздахъ слышна другаго рода странность въ обмѣнѣ падежей: пойду съ еѣ, вмѣсто съ нею; ушелъ къ батюшку (вмѣсто ъ), у батюшка (и). [3] Здѣсь изрѣдка есть наклонность произносить ъ почти какъ и, но только въ нѣкоторыхъ глаголахъ: я засмотрѣлси. И здѣсь слышимъ: они любятъ, гонютъ; онъ скажитъ, чешитъ; онъ кланеется, дай мекѣнки; ребята, чижоло́, въ другѣмъ мѣсти; чосать, содитъ; голóушка, дѣушка; нютолимо (неу), на ев'у сторону; своѣ, твоѣ руки; сея, тея, саѣ, тѣ, или ти (тебя); въ первымъ, во вторымъ, куды, глыбоко, всеѣ (всю), пуцай, испужѣлся, твѣтокъ; но здѣсь не картавятъ.

Объ офенскомъ языкѣ, котораго родина

Ковровъ, какъ объ искусственомъ, будетъ говоритьсь ниже.

Шуяне также не картавятъ, но въ *Гороховцѣ* можно слышать: ноцѣсь, ницогó, вцорáсь; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ также чвакаютъ: черковь, молодечь; *щ* произносятъ чисто: сватищо твой, ищо; здѣсь иногда услышите новгородское: идти за грибамъ, за ягодамъ, но обратнаго, творительнаго вмѣсто дательнаго кажется нѣтъ. Въ *Судогдѣ* много старинныхъ и особенныхъ словъ — хотя она населилась поздно, — напримѣръ: листопадъ — октябрь, густарь — августъ; неточію, не толико, пáжить, ярый, вóпить, мышлявый (хитрый), огуря́ться, пудкій (робкій) и проч. Затѣмъ, цокаютъ, чвакаютъ и даже мѣстами дзекаютъ, а вмѣсто *щ*, произносятъ двойное *ш*.

Въ *Муромѣ* бабы привѣтствуютъ другъ друга званіемъ дѣвиць, приглашаютъ сосѣдку *со всѣмъ дочерямъ*; вообще въ *Муромскомъ уѣздѣ* на лѣвомъ берегу Оки говорятъ чище; не чокаютъ и не чвакаютъ (*Корочарово, Памфилово*); а по за́бчю, т. е. на правомъ берегу, цокаютъ и чвакаютъ, и этотъ говоръ перехо-

дить въ Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи; къ *Вязникамъ* тшакають и дзекають: тшарь (царь), тшерковь, натшальникъ, дзеньги; въ *Муромѣ* сильно окають: бѣда, пѣсокъ, ёда (ѣда); говорятъ: на лошадѣ, на печѣ; г въ концѣ произносятся какъ к, а по забочью напротивъ, почти какъ х, напримѣръ: вмѣсто лугъ — лукъ и лухъ.

Меленковскій уѣздъ еще болѣе замѣчательнъ, какъ переходный: въ примуромской половинѣ его говоръ муромскій, но въ южной, къ Елатъмѣ и Касимову, наречіе рязанское, акающее, но съ странною примѣсью: вмѣсто е, ѣ часто произносятся а, и, я; также ы вмѣсто и, да притомъ на о съ удареніемъ крѣпко налегають, отрывая звукъ тотъ, какъ за буквою ъ: Ягъ-оръ (Егоръ), у няв-о, па-ихаль, пырагы (пирог), пыла (пила), ть-ожа (тоже), симья (семья), хлибъ, зѣмнива (зимняго), оны (они), ня будять (не будетъ); притомъ немного цокають: цирвякъ, глядиць, горькя; говорятъ: Хвилипъ и хватирю, шта вмѣсто что; полоса эта вообще представляетъ весьма замѣчательную смѣсь двухъ противоположныхъ наречій, на широ-

комъ, переходномъ рубежѣ. Замѣчательно, что на такихъ рубежахъ всегда почти картавятъ.

Ярославская губ. по выговору походить на Владимірскую, но бѣлотѣльцы, какъ зовутъ ярославцевъ, которые пудъ мыла извели, а съ сестры родимаго пятна не смыли, говорятъ чище и, кромѣ *Мологи* и *Пошехонья*, почти нигдѣ не картавятъ. Любимое ихъ выраженіе: *родимый*, часто избличаетъ ихъ на чужбинѣ, особенно ростовцевъ, даже прозванныхъ *родимыми*. Ихъ дразнятъ присловіемъ: у насъ-ти въ Ростовѣ чесноку-ти, луку-ти, а навозъ все конёвій! Тамо-ди, туто-ди, опричі (кромѣ), коё (гдѣ), отсѣль, откѣль, глянь-ко — все это любимыя выраженія ярославца. *Угличанинъ* говоритъ: голомя, ономясь, дюжо, на́добе, го́жо, ладякъ (ладно): отзонь (отойди), пробуюриль (промоталь), околтачѣль (даль маху), и вмѣсто молнія сверкаетъ: молонья ма́шоть. *Романовецъ*: подит-ко, поглядит-ко, сусѣдъ, могитѣ; Корнилиха вмѣсто Корнилова; притомъ первыя слова речи скороговоркой, послѣднія протяжно, иное на-распѣвъ; эй, малой, глянь-ко, вить-отъ на́ши! Коё?

Вонъ-инъ за логомъ митусятца! И то кыбыть наши!

Въ Мологскомъ уѣздѣ особенно замѣчательны сицкари, по рѣкѣ Сити; эти природные судовые плотники цокають и въ глаголахъ, какъ бѣлорусы, не любятъ безгласнаго окончанія, говорятъ: цасъ, цово́, цчово́ иногда даже черковь, овчи; ицѣша — идешь, ицѣто — идетъ, ицѣмо — идемъ, идуто — идутъ; цово ты баешь? завтра пойцѣто онъ въ Рыбну; покашиваемо сѣно; ты сдѣлаешо? не будзѣто толку, подряды-тѣ не даюто.

Пошехонъе принадлежитъ по наречію къ Череповцу, къ Новгороду: іонъ приниматцы за дѣль-цо-то дородно; іонъ займуетцы диломъ; а ты що занелсы не путемъ вного. Вотъ какъ цясы-то-цекають! этэфъ, тѣфъ, въ окошкафъ, фарталь, фатера, даже фто (кто), брюхва, хвасъ — но за то: кукшинъ; брусница, поляница, ежевица, земленица; Тимофій, Елисій, Игнатей, Панкратей; жалуйте къ нами, къ нашими дворами, мы торгуемъ пряникамъ. Опеть, стоеть, валеться; свиті, свитліе, полно смотреть на бездѣлицы-тѣ. Въ Пошехонѣ услышите: Иди съ пецы въ домъ, т. е.

слѣзь съ печи; шевелить сметану — масло пахтать; крутиться — убирать голову, о бабѣ: это выраженіе сѣверное, особенно олонецкое.

Костромская губ. еще болѣе приближается къ наречію новгородскому: съ намъ, съ вамъ, къ нами и къ вами; сѣкчи, толкчи, пекчи; данныемъ, званыемъ, прежнимъ; экъ ёнъ лома'тся, хвата'тъ; затъмъ, во многихъ мѣстахъ пьютъ цай и даже цвай съ калацомъ; охотно берутъ прилагательное усѣченное (глупа голова); переносятъ удареніе: вы хотитё, глядитё; говорятъ *утъ* вмѣсто *отъ*, удѣяло, утѣпокъ, и любятъ частицу *чу*. Цокаютъ болѣе отъ Костромы на юговостокъ, на Кинешму, Юрьевецъ, къ Варнавину.

Въ *Нерехтѣ* услышите: грибы, половать, шти, свитать, сноблю (снабжу), ёлоха (ольха), чигунъ, ненавѣство, платъ (платокъ), тысяща, одѣва (одежда), понафида, чигане, церква, скүшно (вкусно). Въ *Кинешмѣ*: іонъ кусаётъ, грянётъ, мякнётъ; ще, вмѣсто что, и даже мѣстами цокаютъ. Но какъ около Нерехты, такъ и въ *Галичѣ*, мѣстами говорятъ вовсе иначе, свысока, по-московски, но съ напѣвомъ или говоркомъ сѣвернымъ. Это

должны быть, либо переселенцы, либо галки-плотники, принявшіе наречіе это отъ долгаго проживанія на чужбинѣ. То же скажу о кологривцахъ: рядомъ въ двухъ селеніяхъ говорятъ различно, и притомъ въ одномъ акаютъ, почти по-рязански, но умѣреннѣе, что чрезвычайно поражаетъ въ этихъ мѣстахъ проѣзжаго. Гдѣ окаютъ, тамъ въ глаголахъ ѣ замѣняютъ звукомъ *и*, а притомъ у Кологрива всего замѣтнѣе произношеніе *г* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ, съ мягкимъ *с* или *д*: боровськóго, лонськóго, людськóго, мижегородського.

Въ *Нижегородской* губерніи иные отличаютъ три гóвора: заволожскій или костромской, очень близкій къ сѣверному; запьянскій — на югъ отъ рѣки Пьяны, гдѣ цокаютъ и чвакаютъ; ягóтскій, лукояновскій, гдѣ жителей зовутъ ягунами (отъ ягó, яму), будаками (отъ бывшихъ будныхъ *майдановъ*, это переселенцы съ Литвы), также панами; это, по сосѣдству и по говору, пензенцы. Но я сознаюсь, что, находя это раздѣленіе недостаточнымъ и не совсѣмъ вѣрнымъ — недостаетъ говора ветлужскаго, не отличено цоканье ар-

датовское отъ арзамаскаго и другихъ, нѣтъ вовсе собственно владимірскаго — не могу, однако же, предложить лучшаго, а долженъ также ограничиться, до времени, обзоромъ по уѣздамъ.

Заволжье, т. е. часть Балахнинскаго, Семеновскій, часть Макарьевскаго и Васильевскаго, принадлежитъ еще на половину къ наречію новгородскому: Што сънь-отъ? И не бай, такой недужной: што не станóшь говорить, такъ и всхизнётъ; пойломъ одолить (одолѣваетъ), а изъ ёды ничóво не побáжить. Слышно мѣстами: вно́го, вскусь, жготся, ко́вда, мнукъ, свѣтокъ и твѣтокъ, по́льга, мтица, чо́жолó. Пахнутово (х вмѣсто *ф*), жалуйте вы къ нами; да-петь, ну-петь, восподинъ. Въ Макарьевскомъ цокають особеннымъ образомъ: *ця, ци.* вмѣсто *ца, ча, чи*: ця́рїця, ця́шка, свѣ́ця; цинъ, цисто; но́ць, про́ць, ове́цька, пти́цка, цесно́къ; твердое *ц* измѣняется въ мягкое: отецъ, братецъ, циганъ, ца́пля; тутъ услышите также отцей, огурцей (овъ). По Ветлугѣ лѣсники говорятъ особымъ напѣвомъ, протягивая и разставляя иные слоги, съ повыше́ніемъ голоса: зада-ай корму ло-

шадьми-и; сверхъ того вмѣсто же, въ прилагательныхъ, произносятся: съ. цѣ: завольской, ветлуцкой; тутъ есть также сходство съ говоромъ вятскимъ.

Въ *Горбатовскомъ* и *Нижегородскомъ* уѣздахъ, а также по симбирскому и казанскому пути въ *Васильскомъ* и *Княгининскомъ*, говоръ довольно чистый владимірскій: чово, Ондрей, ёво, ёму, Степанъ; кесь, тея, рѣзѣ; мѣстами слышно: инеи, другеи, сухеи, шти; бабушка, произносится какъ *батшука*. Есть рязанскіе (касимовскіе) переселенцы, которые акаютъ и цокаютъ.

Южная часть губерніи замѣчательна по переходу владимірскаго наречія въ рязанское. Въ *Ардатовскомъ*, въ части *Арзамаскаго*, *Лукояновскаго*, *Сергацкаго*, даже *Княгининскаго* уѣздовъ, цокаютъ и чвакаютъ, но различнымъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ; всѣхъ тонкостей этихъ я не могъ еще разобрать, но три или даже четыре говора, перемѣшанные иногда черезполосно, ясно отличаются: на *а*, на *о*, на *и*, на *е*.

На *о*: Ну, нѣшто, нѣ даромъ свать Офоня бѣлъ, што добру слышь не быць: вишь вѣ-

цоръ недоровымъ матомъ крыцаль лѣшій; прѣзжа'мъ, зна'шь въ дзереvню, анъ Панфилъ и ба'тъ, робята, скорѣ на площину, ее ба'тъ прорвало! А зна'шь съ цово? Гдѣ же знаць! Воспóдь спорынѣи не даетъ.

Это владимѣрское наречіе, съ легкимъ цоканьемъ.

На а: Вцарá шабѣръ бакúляль, Ягóрій ба'тъ на дварѣ, парá приниматчá за сахú; а Ягорій, старики бають, лянíва сахá! Нѣтъ, парь, ранній пашни ня абрадуешься, йшь какъ падыливать (наносить снѣжныя облака) на дварѣ-та...

Это рязанское, близкое къ касимовскому: кромѣ цоканья, изрѣдка слышно и чваканье.

На и: Ну, парнюга, беда, вусетта Калина баяль съ Зарѣшнымъ, што таво и глиді пажарь; собаки ваймá воють нацью, инда страшна слышаць! И впрямь братісца у насъ собацонка завуваецъ, да и ну надъ передзнимъ угломъ рычча (рыться)!

Это что-то особенное, и кромѣ цоканья и чваканья (хотя не общаго) есть и дзеканье. Мѣстами слышишь: цыловѣкъ, дзеньги, черква, слúха'мъ (слушаемъ), устáвили, вмѣсто

оставили, ухóта, углóбли. Весь край этотъ ко-
ренной мордовскій, но онъ обрусѣлъ и засе-
ленъ со временъ Грознаго, то ссыльными,
плѣнною литвою, то переселенцами, для
основанія поташныхъ майдановъ. Цоканье и
чваканье проходятъ отсюда въ Тамбовскую
губернію, за Шацкъ.

Въ Сергацкомъ вообще цокаютъ на *a* и на
и, мѣстами чвакаютъ и дзекаютъ, а что всего
замѣчательнѣе, по примѣру тамбовскаго и
еще болѣе воронежскаго говора, обращаютъ
средній родъ въ женскій: ета пóля; вы́расла
дрéва ать зимлі́ до нéба, на этомъ древе дви-
надцать суцковъ, на каждомъ суцкѣ и пр.
отчунь, маланья́, дзѣйтсйтка, éдыкай, сли-
та́лись сыкалы́ (соколы), и пр.

Въ *Лукояновскомъ* говорѣ на *e*: чесовня,
причещенье, счесливый, въ редахъ, видѣль
цера и церицу; наоборотъ: чалавѣкъ, чавó,
жалаешь, жавáтъ; тутъ же: агнѣвъ, глазóвъ,
галковъ и пр.

Въ говорѣ *Симбирской* губ., вообще на *o*,
нѣтъ ничего особеннаго; слышно *e* вмѣсто *a*,
я, *и*: реды, чесы: онъ имѣ́тъ, съ того время,
те́ѣ; мѣстами, у Ардатова симбирскаго, цока-

ють; вообще же не картавятъ.

Почти то же должно сказать о *Казанской*: особыхъ отличій нѣтъ. Мѣстами слышно: дѣбрыва, хорѡшыва, нѣбыльшій; кидатъ, мѣшатъ, 'мотри; въ Свѣжскѣ говорятъ: зелѣзо, студенѡ, прикраснѣющій, привеличающій; въ Чебоксарахъ: что это доспѣлось? Дѣ-пить доспѣтъ эдыкъ-та? Есть нѣсколько мѣстныхъ словъ.

Въ *Самарской* губ. говоръ саратовскій (на а), симбирскій и уфимскій (на о), по уѣздамъ и смежности губерній. Въ самомъ городѣ женщины жеманясь картавятъ: *ц, ж*, вмѣсто *с, з*; онѣ поютъ въ хоровахъ: Рожанъ мой, рожанъ, виноградъ желѣный! Впрочемъ, губернія эта пестра переселенцами.

Оренбургская губ., заселенная искони инородцами, бѡльшею частью кочевыми, наполнилась рускими двадцати губерній втеченіе послѣднихъ ста лѣтъ; поэтому общаго наречія въ губерніи этой нѣтъ; но у старожиловъ образовались уже нѣкоторыя особенности. Около Уфы слышно много твердыхъ гласныхъ; говоръ отрывистъ; *ы* вмѣсто *а*: туды, сюды, от-туды; наоборотъ: дѣбрай, сѣрай; *я* вмѣсто *е, ѣ*:

мяшокъ, бяда, твятокъ, мядку (медку), брявно; наоборотъ: светой, време; и вмѣсто е: пиро, сило, тисать; г, д произносятся твердо, почти какъ к, т; нерѣдко слышится ш вмѣсто ч или ж; иногда слышно: пропали съ головамъ, и даже (какъ увѣряють) рѣзать говядинкамъ, вмѣсто ку. Гвоздѣвъ, пнѣвъ, окновъ; желтымъ, хорошимъ; богатѣющій (-ѣйшій), а сравнительная, усѣченно: умнѣ, теплѣ; ты обѣда'шь, онъ зна'тъ; текѣшь, рѣка текѣтъ, мы лягимъ, могимъ, моготѣ, онъ смотрѣлъ, видѣлъ; смотри, видай (смотри); сядись, ляжись; датчи, взятчи, имѣтчи.

Въ сосѣдствѣ съ инородцами, крестьяне приняли нѣсколько татарскихъ (башкирскихъ, киргизскихъ) выраженій и оборотовъ, особенно по Линіи: Верхнеуральскъ, Троицкъ, а еще болѣе Челябин, по наречію, болѣе принадлежатъ Сибири; есть поселенные малоросы, даже поляки (Мензелинскъ), но уже утратившіе языкъ свой.

Хотя языкъ уральскихъ казаковъ и нельзя назвать особымъ наречіемъ, но у нихъ много особенныхъ выраженій и оборотовъ, и говоръ такъ отличителенъ, что уральца всюду

узнать можно съ первыхъ словъ. Они говорятъ рѣзко и рѣзво (въ нашемъ значеніи, у нихъ *рѣзвый* значитъ очередной), не повышая и не понижая голоса, притыкая концомъ языка къ зубамъ, при каждой согласной, и скрадывая гласныя подъ одинъ общій, средній звукъ. Это говоръ, о которомъ почти нельзя опредѣлить, къ которому изъ двухъ главныхъ наречій, на *о* или *а*, онъ принадлежитъ; происхожденіе его отъ безыменной вольницы, которая на каспійскомъ взморьѣ дуваны дуванила; къ ней приселена была стрѣлецкая дружина, да впослѣдствіи донцы. Тамъ спрашиваютъ по-сибирски: чьихъ вы? вмѣсто какъ вы прозываетесь; скотный дворъ называютъ, по донскому, базомъ, базками; во всѣхъ безъ изъятія прозваніяхъ кладутъ ударенія на окончаніе *овъ*. но не картавятъ никакимъ родомъ, а всѣ буквы произносятся рѣзко и отчетливо; однѣ только казачки, и притомъ не низшаго сословія и не всѣ, слегка цокаютъ и шепеляютъ.

3. Наречіе сибирское.

При покореніи Сибири, когда не было тамъ ни одного рускаго, переселены туда, около 1585 года, стрѣльцы, казаки и крестьяне изъ Перми, Вятки, Каргополя и Подмосковья; затѣмъ, до 1604 года основаны города и населены казаками литовскими и малорусскими; въ 1635 году берега Енисея были уже заселены вологодцами, нижегородцами, каргопольцами, устюжанами, холмогорцами, архангельцами; помѣщичьи крестьяне ссылались отовсюду, съ зачетомъ за рекрутъ; сослано также много стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ за возмущенья; съ 1753 года, по уничтоженіи смертной казни, пошло въ Сибирь ежегодно до десяти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ до осьми тысячъ на поселенье. Нынѣ вся разнородность эта сплавилась, по наречію, въ одно: у сибиряковъ урожденныхъ свой особый говоръ, отъ котораго отличаются говоромъ всѣ прибылые, рускіе, какъ называютъ ихъ тамъ, для отличія, сами коренные жители.

Сибирское наречіе составилось изъ смѣси

новгородскаго съ владимірскаго, а потому
окаеть, но на всемъ пространствѣ приняло
нѣсколько особенностей. Только въ Томской
губерніи есть нѣсколько селеній, сохранив-
шихъ отчасти высокій говоръ первой родины
своей. Окающее и даже собственно новгород-
ское наречіе сохранило тамъ повсемѣстное
господство, какъ основательно замѣтилъ г.
Словцовъ, отъ долговременнаго и постоянна-
го вліянія сѣвера (наиболѣе Устюга): первые
купцы, земледѣльцы, посадскіе, ямщики, ка-
заки, даже духовенство, все это приливало въ
Сибирь съ сѣвера. Къ примѣтамъ сибирскаго
наречія относятъ:

1) Оканье; слышно даже: корета, работа,
торелка, покостникъ.

2) Усѣкаютъ глаголы на *аю. яю. ъю.* во 2 и 3
л. един. чис. и въ 1 и 2 множественнаго настоя-
щаго времени. Онъ не зна'тъ, ты потѣ'шь, мы
гуля'мъ.

3) Глаголы дѣйствительные ставятъ ино-
гда съ именительнымъ падежемъ: принести
вода, топить баня.

4) Вмѣсто предлога *за.* часто ставятъ *по:* по-
воду, по-грибы, слышимъ и иногда, но: сбѣгай

по его, чисто сибирское (и въ Тверск.).

5) Творительный падежъ множественнаго числа нерѣдко оканчивають не на *ми*, а на *мъ*, какъ у насъ дательный; но обратнаго не слышно.

6) Охотно придають частицу *ка*: мнѣ-ка, тебѣ-ка, тутот-ка.

7) Въмѣсто вопросительнаго *что*. говорятъ *чего*. Я чего-то не пойму этого; чего дѣлаешь? Можно принять, что въ Сибири мѣстоименіе *что*, относясь къ неодушевленному, склоняется какъ *кто. кого*, и что посему винит. пад. будетъ не *что*. какъ у насъ, а *чего*.

8) Оканчивають превосходную степень иначе: прематорѣющій, прекраснѣющій, человекъ добрѣющій; а сравнительную: ближѣе, *лучшае*, *легчае*, *тишае*, *тончае*, бѣдня, синя (бѣднѣе, синѣе).

9) Прилагательное женскаго и средняго родовъ часто употребляется усѣченное: купилъ негодну лошадь, какá быстра рѣка, перво дѣло, ланскó сѣно.

10) Умалительныя въ большомъ употребленіи, выражая, то уменьшеніе, то ласку, то смиренье, то презрѣнье и проч.

11) Утвердительный отвѣтъ ну, вмѣсто да: Знаешь урокъ? ну; отрицательный, удвоенное нѣтъ: Пойдешь, что ли? Нѣтъ-нѣтъ; отвѣтъ сомнительный: Дома ль хозяинъ? Однако нѣтъ, т. е. никакъ, кажись нѣтъ.

12) Вмѣсто окончаній: маловато, тѣсновато, ставятъ передъ наречіемъ во: во́мало, вóтсно.

13) Часто ударенье переносится противъ нашего обычая: ѳтставка, пѳставка, зѳкуска, знѳкомство, спѳина, сѳра, дочка́, дѳвѳочка, но вообще на первые слоги.

14) Вмѣсто вопроса: какъ вы прозываетесь? всегда слышите: чьихъ вы, т. е. чьей семьи? Слѣдствіемъ этого столь обычныя въ Сибири прозванія: Черныхъ, Толстыхъ, Сизыхъ, Удалыхъ, Ильиныхъ, Кудреватыхъ, какъ наши старинные: Мертваго, Веселаго, Живаго, родились отъ вопроса: чей ты?

Кромѣ этихъ примѣтъ, мѣстами слышно: гумага, гребелка, нагинать, кѳжной, садовшикъ, даже скольшикъ (школьникъ); Восподь, восподинъ; ковда, товда, колды, толды, вселды; двадцеть, завтра, лошедь, чесы; нидѣля, нивѣста; робѳенокъ, робята, сѳрדцо, какжо;

Митрей, лѣтнѣй, лентѣй, зимнѣй; сшотъ, сшитать, сшипать, ишшо, свешшенникъ; гóресь, горсь, трось, шерсь (съ пропускомъ т); ершовъ, рублёвъ, мужьевъ; существительныя на *ie* склоняются: обѣ имѣнїѣ, ваши имѣнїи, доходъ съ имѣнїевъ; существительныя средняго рода, на *мя*, произносятся *мѣ*. и склоняются: времѣ, род. время (вмѣсто времени), дат. времю, творит. врѣмѣмъ, предл. о времѣ; дворяна, крестьяна, мѣщана; тоѣ, вм. ту; ихной, ихна, ихно, вм. ихъ; обѣхъ, обѣмъ (безъ и); одїножъ или одново́, двою́, трою́; мы пекемъ, рѣка текеть.

Въ сибирскомъ наречїи много словъ обветшалыхъ, утраченныхъ, какъ: зародъ — скирда; плѣнїца — силокъ; огневица — горячка; тунно — тщетно, служилый — солдатъ, зарный — горячїй, и проч. Немало принято также отъ инородцевъ: татаръ, остяковъ, тунгусовъ, бурятъ, якутовъ и проч. Такихъ словъ особенно много по роду мѣстной жизни, промысламъ, предметамъ естественнымъ той мѣстности и проч.; и наконецъ, есть превосходно образованныя свои слова, хотя далеко не все то, что помѣщалось иногда въ роспи-

сяхъ сибирскихъ словъ, принадлежитъ исключительно Сибири: солновсходъ, рѣкоставъ, водопускъ, ледоплавъ, спарить (убить пару на зарядъ), тянигужъ (дорога въ гору), маньщикъ (чучело для приманки), сполóхи, столбы (сѣверн. сiянье), нeпропускъ (подводный камень), отпрядышъ (отдѣльн. скала) и проч.

Пересматривая всѣ признаки сибирскаго наречiя, мы убѣждаемся, что едва ли есть такiе, которые бы принадлежали ему исключительно и не встрѣчались бы, болѣе или менѣе, и въ другихъ; новгородское вообще въ Росiи первенствуетъ, по объему, а въ Сибири особенно господствуетъ; московское держится всюду, болѣе или менѣе, между образованнымъ сословiемъ; затѣмъ, сибиряка болѣе отличаютъ по гóвору, по ударенью, да по значительному числу своихъ словъ. Чего вмѣсто что, ну вмѣсто да; образование особаго вида, наречiй прибавкою частицы во, вопросъ чьи вы — вотъ тѣ незначительные признаки, которые остаются исключительно на долю Сибири. Кромѣ того мы находимъ еще нѣсколько отрицательныхъ признаковъ: за

исключеньемъ Ирбити и немногихъ селеній тобольскихъ, ъ не измѣняютъ на и, какъ въ новгородскомъ наречіи, гдѣ впрочемъ обычай этотъ, какъ мы видѣли, не общій; творит. падежъ весьма рѣдко слышится вмѣсто дательнаго — также не общій обычай и въ новгородскомъ наречіи; въ народномъ говорѣ въ Сибири почти нигдѣ нѣтъ картавости или косноязычія какого либо вида, но и это не есть общее свойство прочихъ наречій; болѣе примѣтъ не знаю.

Около Ирбити слышно иногда: ходивъ, сидѣвъ, сдѣлавъ, вмѣсто: ходилъ, сдѣлалъ; этого замѣчательнаго измѣненія л на в нигдѣ болѣе въ Великоруси не слышно. Около Тобольска: прихождане, неурождай; росво, слѣсво, беззаконство (родство, слѣдствіе, беззаконіе); въ Туринскѣ говорятъ: прѣлица, прѣникъ, маманока, напремѣнно, отъ башюшкѣ; плакса, сяль (сѣль); жалѣютъ производятъ какъ: желаютъ; сѣду, мѣнѣтъ (сяду, мѣнятъ); истъ, свича, шалѣтъ; доржатъ, топорщомъ; чюдо, чюма, чюжой; погонѣтъ вм. гнать, звонѣтъ вм. звонить; я пошелъ, поѣхалъ вмѣсто иду, ѣду. Въ Петропавловскѣ:

сіять, віять, солуй (вѣять, цѣлуй), соломинка, произносится почти какъ: силиминка.

Въ Сибири, особенно Восточной, въ говорѣ замѣтна склонность къ упрощенію грамматики и подведенію тысячи изъятій подъ общее правило; этимъ объясняются видимыя неправильности, какъ показанныя выше, такъ и слѣдующія: три пѣрни, два кони, стригу овцы, пасу коровы, стременó (стремя), брѣться, хорошая путь и пр.; считаютъ: двадцать-десять, тридцать-перво́й; уменьшит. собств. имена: Ваньча, Аринша, Сеньча; Нюша или Нура, Нурка — Аннушка; Шара — Саша; Шима — Евфимія; звательный именъ на *a* отличенъ отъ именительнаго и оканчивается на *au*: дѣвчау! Петруньчау! дѣвкау! Наречіе: по́ломь, какъ церковное испóлнь, вм. полный, -ая, -ое: домъ поломь, кадь поломь воды. За Байкаломъ шипящіе звуки *ж*, *ш*, *н*, *щ*, нѣсколько затрудняютъ туземцевъ, и они слегка цокаютъ и шепеляютъ; букву *p* вообще произносятъ чисто, но въ глаголь *поддерживать* картавятъ нѣсколько по-китайски (китайскія *p*, *л* сливаются, такъ-что слышится *поддарлживать*. Почто пришелъ, вм. зачѣмъ;

куда грядешь, сколь, опричь, наипаче, въ общемъ ходу.

Чѣмъ дальше въ глушь, въ Сибири, чѣмъ далѣе отъ большихъ дорогъ, тѣмъ старобытнѣе языкъ и, вѣроятно, таковъ, какимъ былъ за 200 лѣтъ. Вотъ, для образчика, нѣсколько мѣстныхъ словъ:

Вóшкать, -ся — мѣшкать, медлить.

Погóдье — ненастье.

Тойдѣй, мимо — безпрестанно

Влáзины — новоселье.

Настольникъ — скатерть.

Носáтикъ, запарникъ — чайникъ.

Обúтки — башмаки.

Плашка — огниво.

Скуты — онучи.

Сохарь — пахарь.

Сёскáть — суетиться.

Братанъ, сродный — двоюродный братъ.

Сестренíца, сродная — двоюродная сестра.

Сельтокъ — теленокъ, жеребенокъ

нынѣшняго приплода.

Третьякъ — теленокъ, жеребенокъ по третьему году.

Медуница — пчела.
Солносядъ — западъ.
Солнопекъ, югъ.
Яроститься — гнѣваться.
Перенова — пороша.
Живецъ — родникъ.
Гнусъ — насъкомое.
Сты́рить — спорить.
Забой, сувой — сугробъ.
Подволока — подбой подъ лыжами.
Прилугъ — возвышенное мѣсто при
поймѣ.
Приплѣски, уступы по берегу, отъ воды.
Располиться — распахнуться, говор. о
вскрытіи рѣкъ.
Строганина — мерзлая строганая рыба.
Гольцы — голыя, снѣжныя вершины горъ.
Молосный — скоромный.
Мучникъ — мучной амбаръ.
Прохожій — бѣглый.
Скудаты — хворать.
Схватцы — застежка.
Поскребальникъ — тупой ножъ, для скреб-
ки.
Яблоки — картофель.

Боѣць — тягловой мужикъ.

Опѣчекъ — отмель.

Матерая, глубь, русло.

4. Наречіе рязанское.

Къ наречію рязанскому, южному, средне-русскому или подмосковному, относятся губерніи: Рязань, Тула, Калуга, Орель, Курскъ, Воронежъ, Тамбовъ, Пенза, Саратовъ, Астрахань; но объ Астрахани и Саратовѣ надо сказать, что тутъ населеніе разнородное, есть и окальщики, особенно много захожихъ бурлаковъ изъ восточныхъ губерній. Наречіе это одной общей примѣтой аканья весьма легко отличается отъ новгородскаго, владимірскаго, сибирскаго, но мѣстами весьма сближается съ западнымъ, смоленскимъ, хотя и отъ него отдѣляется яснѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго. Отъ московскаго его также распознать нетрудно, потому что оно, въ сравненіи съ нимъ, всегда больше или меньше картаво. Признаки его:

1) Рязанское наречіе акаетъ, т. е. о безъ ударенія вездѣ произносится какъ полногласное *a*; звукъ *o*, напротивъ, который вообще во

всей Росіи произносится далеко не такъ остро, какъ западное (напримѣръ, нѣмецкое, французское о), выговаривается еще полоротѣе, еще ближе къ *a*.

2) Вмѣсто *ѣ*, *е*, нерѣдко ставится *и*, *я*, даже вмѣсто *о*: яны́ (они); вмѣсто *и* иногда *ы*.

3) Буква *г*, передъ гласною, измѣняется въ придыханье, болѣе или менѣе крутое, но близкое къ западному *h*.

4) Буква *г*, въ род. пад. прилагательныхъ, произносится чисто (между *к* и *х*), не замѣняется буквою *в*, какъ принято во всей остальной Росіи, кромѣ Бѣлорусіи.

5) Глаголы въ 3 л. (хóдитъ, вѣдитъ) оканчиваются мягко, не на *ъ*, а на *ь* (онъ хóдитъ, вѣдитъ); иногда хóдетъ, лю́бетъ.

6) Въ 3-мъ же лицѣ, ед. и мн., это окончаніе *ть* иногда вовсе откидывается: рúки баля́, іонъ везё́, яна́ берё́.

7) Есть наклонность замѣнять букву *л*, въ концѣ глаг. 3 л. прош. врем., буквою *в* или *у* (онъ ходи́увъ).

8) Въ неокончат. накл. частица *ся* иногда измѣняется въ *си*.

9) *В* никогда не произносится твердо, не

звучить какъ *ф*, а напротивъ, близится ко гласной *у*, которою нерѣдко замѣняется, и обратно.

10) Весьма рѣдко и не во многихъ мѣстахъ нѣсколько цокають (*ц* вмѣсто *ч*), еще рѣже чвакають (*ч* вмѣсто *ц*) и въ этомъ случаѣ дѣлятъ грѣхъ пополамъ и берутъ средній звукъ между *ч*, *ц*; никогда и нигдѣ не дзекають (*дз*, *тс*), чѣмъ, между прочимъ, отличаются отъ бѣлорусовъ и смолянъ.

Частица *что* произносится: *штó*, *ште*, *щб*, *ще*, тогда-какъ въ другомъ акающемъ наречіи, смоленскомъ, она произносится *шта*, иногда *шты*. весьма рѣдко *ща*.

Мнѣніе, будто Ока въ Рязанской губерніи служитъ границей аканья и оканья, неосновательно; можетъ быть это было, но нынѣ въ *Егорьевскѣ* и *Касимовѣ*, по Заочью, акають, и притомъ, въ первомъ, самымъ полоротымъ рязанскимъ говоромъ: *ягóльникъ* (горшокъ) — та *яру́я*, *вазьми*, *нявѣстка*, *цупі́зникъ* (чумичку), да *уцупі́зни ягó!* Но справедливо, что на этой, лѣвой, мещерской сторонѣ, по направленію ко Владиміру, говоръ во многихъ селеніяхъ представляетъ что-то особен-

ное, и звукъ о замѣняется какою-то двугласною: уо, уы, почти какъ мѣстами на Вяткѣ и въ Черниговской, на сѣверномъ берегу Десны, на предѣлахъ наречій мало- и бѣлорускаго. Около *Касимова* и около *Егорьевска*, легонько цокають: цалаэкъ, тысица, но слышно не чистое ц, а средній звукъ. Около *Рязани*: ты-ба кумъ калды ка-мнѣ! Да я бы-та, кумъ, и таго, да шанá-та мая вишь таѣ, ну'шь и я растаго Ты хатишь, аль не хатишь? На сѣверѣ говорятъ зыкъ, въ Рязани зыка́; тамъ зыкъ этотъ ужаснѣющій, тутъ зыка́ ужастѣнная. иногда ставятъ ъ вмѣсто и: чѣмъ я таѣ абѣдилъ? Есть нѣсколько особыхъ словъ: тяпінка, палка; двошйтъ, дурно пахнуть; чичерь, холодный и мокрый вѣтеръ; ѣдовый, сѣдомый; обмахальникъ, тряпица; поновляться, причащаться.

Въ *Тульской* губерн. говоръ тотъ же, но сочетаніе звуковъ а, я, съ буквою г, менѣе рѣзко. Вотъ нѣсколько словъ, записанныхъ тамъ: Вузыкáтъ — дразнить собаку; вѣковуха — старая дѣвка; головище — вершина рѣки; достойникъ — мастеръ; дуромъ — сдуру, безъ толку; мановью — цѣликомъ, по-

лемъ; подлокотникъ — переносчикъ, донощикъ. Есть и малорускія: огарнѹть — укутать, обнести; мотѳрный — проворный; дармá — даромъ, и пр. Въ *Каширѣ* записалъ я между прочимъ: бѹдя (будетъ), бягѹ, бижáль, вошпиталь, глѣ-ка, гаркни ямѹ (закричи), ёнъ видѣ, ёнъ отбѣгъ, собака жрѣ.

Калужская. Тама-та есть стежка дажѳненька, въ лазникѣ-та, а туда не пустять таѣ такъ-та, а перѣдъ таѣ глазá накрыеть, да и паведѣть старый дѣдъ; вотъ и паведеть — тамъ, слышь ты, злѣка такая, щѣ ну! тамъ логъ, а въ логу-та дромъ да буряломъ, такой що-й не прайдешъ, и икѳна стайтъ, и уся вызлащена, какъ жаръ, и плахта (окладъ) на ней ясными камнями гарить, а басѳму хадить незля, земля, слышь, калянáя, а у канецъ вершины (оврага) дверца желѣзная къ пагребѹ! а итти хатѣшь — снизаться (одѣться) надабить, такъ, слышь, сѣверка... и проч. Калужанъ дразнятъ: Щаголъ щаглуя на асиनावымъ дубу, да какъ васкагуркне!

Это записано около *Мещовска*, но почти весь калужскій говоръ таковъ, съ малыми уклоненіями: въ *Боровскѣ* говорятъ: цто, цаво,

цашка; въ *Медыни*: овча, черяпать, чарапать; и въ *Бѣлевскомъ* произносятся ч, ц. нечисто. Во многихъ мѣстахъ слышно здля, вмѣсто для; у вмѣсто в. и наоборотъ; йѣнь, яна, йентѣ, йаны; верть, вертай, вм. поверни; вуголь, вуглей, огневъ, чарѣдъ (очередь); х, ф, хв, кв, путають: хвѣлинъ, куфѣрка, фалить, Хвядотъ, фостъ, фатера; шти, кѣсто (тѣсто), паламарь; но всего замѣчательнѣе, что въ *Боровскомъ* уѣздѣ, какъ увѣряють, яблокъ гнилой, сѣно хорошъ, яйцо свѣжій, полотенце бѣль, т. е. средняго рода нѣтъ, а уровень онъ съ мужескимъ (въ *Воронежской* съ женскимъ).

Въ *Малоярославцѣ* почти все то же; слышно также: ударить палкуй, дай менѣ, иди купѣтцы, онъ боѣтцы; ѣду у Калугу, былъ въ тебѣ; слѣхай ѣхами: Рассея, Кѣевъ, пайдѣшь, найдѣшь; чи ты куда хадила? Я бай г(h)авариль яму, штабы йонъ бай сѣздиль, а йонъ бай не паслухался.

Мосальскій уѣздъ замѣчателенъ сосѣдствомъ съ бѣлорусами: уѣздъ дѣлится на двѣ части (это же дѣленье принято для станова); въ калужской половинѣ живутъ *поляне*, народъ довольно видный, языкъ чистый,

только замѣтна путаница въ буквахъ у, в; въ смоленской половинѣ живутъ *полѣхи*, вовсе отличающіеся искаженнымъ наречіемъ, подходящимъ болѣе къ дурному смоленскому: Иванъ, чя-ты! Ти ты паѣдишь у поля? А няжъ (неужто-жъ нѣтъ)? А кали паѣдишь, дакъ вели бабѣ спречь яéчню, а я троху принису гарелки, тюкнимъ па чарки, да и баста!

Въ *Жиздрѣ*, кромѣ Ахванаса и ахвицера, слышно также: зля (для), увесь, это ей (ея) серги, онъ бѣгить, или: а на чаіо-жъ ты прапиль гамзу-та, и купиль-ба сабѣ боты-та, кали надобить!

Въ *Калужской* губерніи: молодикъ — молодой, новый мѣсяцъ, ветухъ — послѣдняя четверть; поползúха — легкая зáметь, мятель, живець — подземъ, подпочва; себрь, сербъ — сосѣдь (стар. сябрь, восточн. шабѣрь); жуть — много; сяднича — сегодня; вáлей — лучше; галóбиться — торопиться, стараться; обнять — ободрать шкуру; зáтолока — свиное сало; питúшка — ковшъ; танóкъ — хороводъ; вшѣлобъ — угорье, взлобокъ; харпáй — армякъ; шавы́рка — ложка, и пр.

Въ *Щиграхъ* ѣздють, идутъ къ сестры, при-

ходить отъ сестрѣ (примѣта новгородскаго); вѣжливый извощикъ кричитъ, вмѣсто пади, *примітеса*, и говоритъ о пьяномъ, что онъ *наизволился*.

Въ Орловской губерніи, гдѣ Трубчевскъ принадлежитъ болѣе Малоросіи, а Елецъ Тамбову, наречіе вообще мало разнится отъ сосѣднихъ. Ельчанъ дразнятъ: У насъ въ Ельцѣ, на Саснѣ рѣцѣ, курица вутѣнка вывела! Замѣтна склонность къ замѣнѣ звука *e* звукомъ *и*: свизать, непріятить, начивать; предлогъ *въ* всегда замѣняется предлогомъ *у*, и на-оборотъ; *х*, *ф*, постоянно замѣняются одна другою: форостина, фостъ, Хвилипъ, хвуражка. И тутъ носятъ воду изъ рѣкъ, ѣдутъ гостить къ тетке; ѣдутъ на лошадѣхъ, ставятъ избу на восьмѣхъ стулахъ. Во Мценскѣ слышно: ня-знай (не знаю), слухайтя-ну, всявó, капейкя; шапочкю, копейкю (ою), рубашкю, линіякъ, (линеекъ), вы берѣтя, мы тибѣ читаимъ, нябось, нямнога (не), яблыко, іоны хвályть, скорѣиче (скорѣе) или скорѣева; дамене, вмѣсто ко мнѣ; ёхнукася, *вм.* а ну-ка, и пр.

Особыя орловскія слова: неспуще — не

очень; потóпа — грязь; сигáть — прыгать: бодряшка — щеголь; гру́ба — печь, или труба; добышной — смышленный; жи́бтиться — заботиться; заверéть — починить; изва́ра — ушатъ; брыль — картузь; вихляться — качаться; допясться — добратъся; дулебъ — безтолковый; жадовать — жадничать; мозжить — дробить, и пр. Тутъ есть и малорускія слова.

Куряне очевидно принадлежать къ какому-то особому племени: приземистые и плотные, широколобые, во́лосъ темно-русый или рыжій, глаза каріе; народъ работащій, но вороватый и злобный. За́мѣтимъ, однако же, что у́зды Корóчанскій, Сúdжанскій, Гайворонскій, населены почти одними малоросами.

Въ Курской, глаголы въ 3-мъ лицѣ всегда оканчиваются на *ть*, равно всегда обмѣниваются взаимно: *ф*, *х* и *хв*; вмѣсто *щ* ставятъ двойное *шш*; затѣмъ гов. *я*, *и*, вмѣсто *ѣ*, *е*: качиргá, чилавѣкъ, биленá, бяжáть, бялуга, ёнь умѣить, чирисъ (черезъ), мяту́, маягó, онъ дѣлая; *а* вмѣсто *е*: табѣ, сабѣ, чатыри, жанá, ражаство; *ы* вмѣсто *а*, *о*: уды́рить, мы́рда; *и*

вмѣсто я: питирня, училсѣ, ъидро (ядро); е вм. и: венокѹрня, видешь; ѣевто, ѣекай; у вм. ы: буваль, бувалача (бывалочи); з передь гласною всегда какъ латинское h, а послѣ гласной не обращается, какъ у насъ, въ к, но въ х: снѣхъ, друхъ; м вм. в: дамнѡ, ромно, недамно; у вм. в: усѣ, усегда, успахать, у церкви, иду у поле; в вм. у: невгадѣль, вбить (убить), входить (уходить); ѣ вм. е: живѣшь, іонъ завѣть, вы паѣте; говорятъ: твѣты, зямчукъ, яны платють, чистють, тужуть; вичѡрить, вм. вечерять; маминька, дядинька, пенька, чайкю, кваскю, челѣкъ, вм. человѣкъ; онъ не магѣть (можетъ); ввѡймить (уйметъ); пер'вези, вм. перевези; правадѣмши, вм. проводивъ кы двару, кы тебѣ; иногда: куго, я радѣхунька; курей, платьей; Петръ — Петренеюшка; Максимъ — Моська; Авдотья — Донька; Логгинъ — Лагѹтка; что — щѣ. Обращикъ гѡвора: Чаломъ бью, здорова жъ вамъ, а ну живы ли вы са'ѣ? Здарово живѣте! Здарова, свать, слава Богу; какво са'ѣ живѣте? щѡ кажишь? Да щѡ, абъ нуждачки сваей: мамушка хварѣя, да взманилась ей кваскю испить. Щѣ-жъ евта ты рѡбишь? Слово робить, какъ и много другихъ

малорускихъ, встрѣчаемъ мы въ Архангельскѣ и въ Курскѣ; но тамъ удареніе всегда перенесено на рускій ладъ: рѣбить, а здѣсь осталось малоруское — робѣть.

Воронежская губернія весьма сходна съ Курскою: *Новохоперскъ*, *Павловскъ*, *Богучары*, по говору, почти не отличаются отъ донскихъ станицъ, а *Валуйки* — отъ Харькова. Сильное вліяніе малорускаго наречія замѣтно по всей губерніи, которая населилась при Алексѣ Михайловичѣ и Петрѣ I: первый выселилъ туда мастеровыхъ, военныхъ людей, боярскихъ дѣтей; второй — матросовъ, стрѣльцовъ, рабочихъ, также боярскихъ дѣтей, отказывавшихся отъ службы; они впослѣдствіи изъ однопалатныхъ обращены на окладъ, и все это смѣшалось съ малорусами.

Здѣсь также: йонъ ходить, яны гавѣрють, яна пекѣть, при чемъ это е не измѣняется въ ё. Агонь (г = h) жгеть, іонъ яго стерегѣть; іонъ кѣня' палкуй, яна уйдѣ; іонъ лазяить, ѳздяить, (въ Оренб. и др. восточ. ѳздіють); наѳлси, или наѳуси; дралсі, не бойсі; въ прилаг. произн. г какъ пишутъ: старага, малага, сіняга; у лѣся (въ лѣсу), у города, у поля; въ мене (у меня),

въ тебѣ (у тебя), повтрѹ (поутру); Хведоть, Хвилипѣ, куфня; но говорятъ: ахабка, бахромка; на рѣчки, у мужичкѣ и пр. Существ. срд. р. склоняются: дѣловѣ, мѣстовѣ, но гов. яѣцѣ (яицѣ), а къ нимѣ идутъ прилагательныя въ родѣ женскомѣ: куриная яйцо, чистая лицо, а нерѣдко и окончаніе *о* измѣняется на *а*: ета сѣна зеленая, проса крупна, пшена желтая такая, масла горькая; ружье добрая, да и дорогая; моя паштѣнье; словомѣ, здѣсь средн. рода нѣтъ: платьѣ, сѣдло, зеркало — все женскаго.

Собственно воронежскихъ словѣ, кажется, нѣтъ; или они довольно общи, или перенесены съ Дона, изъ Малоросіи и пр. Вотъ говорѣ въ *Нижнедѣвицкѣ*:

Здарова, дядя Алдѣха! Що, ай пашеницу вазнѣль у городѣ? — А то що жѣ? — Ну а пачаму атдавалѣ? Па дияти съ двугривянымѣ, вѣсямѣ у грядло! — А нашихъ рабятѣ съ пашаномѣ видялѣ, щой? — Дядя Митяй сустрѣлси на базаря, калачи рабятишкамѣ умѣстя пакупали. Ну, послалѣ жа намѣ Господѣ сухмѣнная лѣта! Хлѣбушка у поля какѣ варамамѣ паварила! Солнушка-та жаря, жаря, ажно невсутерпѣ прихѣдя!

Въ *Тамбовской*, губерніи, далеко растянувшейся по полуденнику, *Елатьма*, *Темниковъ* и частію самый *Шацкъ*, на сѣверѣ, принадлежатъ, по говору, къ Мурому и Касимову, а вся половина южнѣе Тамбова — къ Воронежу, отъ котораго и вообще Тамбовъ, по наречію, весьма мало отличается. Въ бѣльшей части губерніи средній родъ замѣняется женскимъ; творительнаго падежа для предметовъ одушевленныхъ не знаютъ, а обходятся безъ него; един. ч. всегда идетъ вмѣсто мн. ч., въ видѣ собирательнаго; въ глаголахъ, *з*, *к*, не измѣняются при спряженіи (іонъ бягеть, мы стерягемъ, сяку, сякешь и пр.); яны хѣдють, возють, шутють; прич. дѣйств. и страд. наст. врем. вообще въ народѣ мало въ ходу, а здѣсь ихъ нѣтъ вовсе; глаг. дѣйств., означающіе работу, употребляются въ образѣ возвр.: *попахаться*, *пошиться*, *попрястаться*; любятъ сокращенья, глотая буквы и слоги; не только *пá-ка* (*поди-ко*), *гльá-ка*, *слы(-шишь)*, *ньякъ* (не какъ), но и: *табѣн-чаль*, *тебѣ чайлось* и пр.

Тамбовцы не замѣняютъ *л* въ концѣ 3 л. глг. буквою *в*, а предлоговъ: *въ*, *у*, обычно не путаютъ. Напѣвъ не противный, но въ одно-

мъ словѣ нерѣдко два-три слога долгихъ и съ удареньемъ.[4]

Въ *Темниковѣ* не любятъ х и замѣняютъ его буквою к; вмѣсто ою, ею творит. пад. оканчиваютъ на уй, юй: кашуй, морковьюй, ма-мынькуй; гыварить, зызванить, бырадá, мынастырь; даже кыкъ, вмѣсто какъ. У *Кадома* есть небольшой слѣдъ цоканья: прочь, произносится почти какъ *проць*. И въ *Козловѣ* очень жалуютъ ы, замѣняя имъ много, гласныхъ, а *что́* произносятъ *щи*. Вообще, воронежскій говоръ: што, ешто́ (еще), тамбовскій: щё, щи, ищá.

Особыя слова: порусь — быкъ; хрёкъ — кабань; уполо́хъ — набать; ряха — щеголиха (противное *неряхъ*); порядня — порядокъ; перепелесый — пестрый; корецъ — ковшъ; кóндырь — рукавные отвороты; косови́ца — покось; вага — рычагъ; дрюкъ — дубина; игрецъ — параличъ, нечистый; йзнавись (изневѣсть) — нечаянно.

Въ *Пензенской* говорятъ вообще такъ: Ли́хова та челл'эка ни кличишь; ишь-ты, я ныня ўтромъ збусыка́лси, чуть брезжитца, и гдѣ-та ища на зорички вскачилъ; и все ганашился

на базаръ свисті́ маченцѹ́ дїсѣтакъ-другой, читьвирикá съ три мучі́цы дикѹ́шной (гречневой), да патничі́шка рїбѣты надѣсь свалѣли, прадáть; а сибѣ́ купить тажѣ́ панѹ́жди-лась: та дикатькѹ́, та соли, та штѣ́, для дамáшняга дѣ́ла, павиденьи-ти наши висті́мы, зна'шь. Вотъ мая старѹ́ха и батъ: вить тибѣ́ да гóроду трїстїсь нада ня близка; семъ-кáшички сваримъ съ саламъ, аль нивѣ́ска запу-ститъ лапшицы; пабѹ́здай, животъ крѣ́пши, дакъ на-серцы лекши... и пр.

Но не вдалекѣ́ отъ этого можно услышать, въ *Нижнеломовскомъ* уѣздѣ́, у такъ называемыхъ мещеряковъ, и такой говоръ: А що, ба́цка, дай ищо стáвцыкъ браги, радзі́май; Ъздиль у сяло къ бацки-папу, пагутáрїть каяцаво; онъ-та бала ни таё́, да ма́цка-пападѣ́я смара цѣ́ла дѣ́ла-та; я бацки и бухъ у ношки: бацка, бацка, гдѣ́ тваи ношки, тамъ, кармилецъ, наши галовки; свинцай Ягóрку, да и будя! Тутъ бацка насацѣ́ль мнѣ́ стакáнцыкъ винца, да цаплáшки съ три браги; я захмилѣ́ль, да и загрáль (запѣ́ль): Ай вы, ягуны́, застуцали-у цугуны...

Первое, болѣ́е общее наречіе отличается

отъ общаго же рязанскаго твердымъ окончаньемъ въ глаг. 3 л., не замѣною предлоговъ въ, у одного другимъ; поменьше набиваютъ хайло́ (ротъ) звукомъ а; остальное все то же; второе представляетъ нѣсколько особенно-стей: въ рязанскомъ наречіи вообще цоканья мало, и оно отличается отъ цоканья о́кающаго: какъ изъ образца видно, только ч замѣняется буквой ц, послѣдняя же, на своемъ мѣстѣ, остается; равно ш, щ произносятся чисто. Сколько знаю, на всемъ пространствѣ рязанскаго наречія нигдѣ болѣе, какъ у пензенскихъ мещеряковъ, не слышно, и то едва замѣтнаго, дзеканья.

Особья выраженья: пересада — кровь носомъ; божегнѣвный — сумасшедшій; капау́шка — ухвертка; ко́ко — яйцо, и отъ этого кокура; потора́чка — женщина малаго роста; не удавать — не уступать; культя́пый — криволапый; на́вязень — кистень; по́ножн — силки, плѣнки; пью́ша — пьяница: палу́сить — врать, лгать, и пр.

Саратовская губернія, какъ и Оренбургская, населилась изъ двадцати губерній; но какъ во второй взялъ верхъ владимірскій го-

воръ, а въ Сибири новгородскій, такъ тутъ рязанскій. Впрочемъ, отъ смѣшенья этого онъ обтерся, у старожиловъ, и вообще довольно чистъ; двѣ крайности (*a, o*) замѣтны только у новыхъ переселенцевъ и у малоросовъ, которыхъ тамъ много. Своими словами Саратовъ, по той же причинѣ, похвалиться не можетъ.

Объ *Астраханскомъ* краѣ надо вообще сказать то же; и тутъ населенье набродное, со всей Росіи, и молодое, не слившееся въ одно цѣлое; но тутъ сосредоточились юго-восточное судоходство и рыбные промыслы наши, образовавшіе цѣлый языкъ промысловый, почти неизвѣстный въ остальной Росіи. Бóльшая часть англійскихъ и голандскихъ, замѣчательно искаженныхъ словъ, принятыхъ во флотъ нашемъ, могли бы быть замѣнены выраженьями волжскихъ, каспійскихъ и бѣломорскихъ мореходовъ. Но о промысловомъ языкѣ говорить здѣсь нечему: это не говоръ, не наречіе. Покойный П. Ѳ. Кузмищевъ, умѣвшій цѣнить народное, собралъ, что могъ въ этомъ родѣ, въ Астрахани, Архангельскѣ и Камчаткѣ.

Въ губерніи говоръ вообще рязанскій, т. е.

бакающей, но слегка. Есть селенія бакающія; инородцевъ много. Въ самой Астрахани почти всегда ставятъ творительн. падежь вмѣсто предложнаго; Кузмищевъ замѣчаетъ, что не слѣдовало бы такъ говорить въ Астраханскимъ царстви: въ такимъ случаи, въ однимъ мѣсти, въ моимъ доми. Въ *Красномъ-Яру* говорятъ даже: онъ па водамъ (на водѣ), они въ избамъ (избѣ), ставя твор. пад. мн. ч., потому-что слово женск. рода; видно, твор. ед. ч. вмѣсто предложнаго въ этомъ случаи даже и красноярцамъ показался неудобнымъ. Въ *Черномъ-Яру* слышно: будневный (в. вм. ш), у день, у ночь (днемъ, ночью); пойдёмъ подъ насъ, подъ васъ, т. е. къ намъ, къ вамъ. Здѣсь же считаютъ: полпятá, полсёмá, полдесятá, полдевятá-ста (т. е. 850) и пр. Астраханскіе казаки (напримѣръ, Бугровской станицы) говорятъ: сшекá (вм. щека), сшепá, леёшь (льешь), сши (щи), доржі́, доржіть, умѣшь, онъ зна'тъ, дѣла'тъ.

Въ *Енотаевскѣ* говор.: отгані́, гдѣ я былъ? Гришáнька хочеть тащить дѣвку у шабрѣнка (т. е. за себя взять); ну, братища, хоча бѣ и не ему! Въ Астрахани, не говоря о татарахъ, хи-

винцахъ, бухарцахъ, туркменахъ, киргизахъ, калмыкахъ, армянахъ, грузинахъ, персіянахъ, кавказскихъ горцахъ, индейцахъ, между рускими слышно на каждомъ шагу: шабёръ, маштáкъ, башкá, чихírь, бурдюкъ, бахчá, бирюкъ, будáрка, вавилóны, ергакъ, ерындáкъ, шура́пки, исáды, кукáнь, кумганъ и проч. Замѣчательно, что хотя главные ловцы и промышленики въ Астрахани нижегородцы, не менѣе того общая масть говора осталась рязанскою.

5. Наречіе новоросійское.

Съ тѣхъ поръ, какъ степь отъ Днестра до Дона, служившая поприщемъ для поперемянныхъ набѣговъ крымцевъ, кубанцевъ, турокъ и запорожцевъ, окончательно подчинена Росіи, она заселилась наполовину малоросами, а наполовину набродомъ изъ Великой-Руси. Какъ въ Сибири господствуетъ низкій говоръ первыхъ поселенцевъ, а въ Астрахани высокій, такъ въ Новоросіи на говоръ, даже высшаго сословія, наложилъ неизгладимую печать свою языкъ малорускій; но общая склонность и желанье — рѣдко удач-

ное — говорить по-московски. Мѣстами селились здѣсь болгары, сербы, волохи, даже венгры и поляки, нѣмцы, греки, армяне, и все это населенье сдобрено еще жидами. Кромѣ жидовъ, цыганъ, грековъ, армянъ и нѣмцевъ, все остальное видимо русѣеть, а отчасти даже и обрусѣло.

Къ Новоросійскому краю относятся губерніи: *Херсонская. Екатеринославская, Таврическая. Бесарабская.* Языкъ тамъ вообще пестрый, шаткій и нечистый; полурусское, жесткое произношенье украинскихъ словъ неприятно: вмѣсто мягкаго, дѣтскаго звука между *ы. и*, безпрестанно слышите дебелое *ы*. и вообще оба звука эти мѣшаются. Ударенья крайне измѣнчивы и шатки: глѣбоко, тамо-жѣнный, деньгáми, онъ звóнитъ и пр. слышно за каждымъ словомъ; стараясь удалиться отъ ударенья украинскаго, каждый ставитъ его почти наугадъ, гдѣ ему кажется звучнѣе; *г*, передъ гласною, измѣняется въ придыханье; окончанія: *аго, яго* произносятся такъ, что *г* слышно; *о*, хотя и не совсѣмъ полное, господствуетъ и произносится гдѣ пишется. Эти двѣ послѣднія примѣты, свойственныя собственно

малорускому, не встрѣчаются нигдѣ болѣе, какъ въ подражающемъ ему новоросійскомъ наречіи, да еще въ новгородскомъ. Мнѣ хотѣтся, они хочуть, онъ самъ, вмѣсто онъ одинъ, поспытатъ (спросить), чего-нѣбудь, вырубить (высѣкать) огонь, обвязать и проч. Буквы: б, в, г, д, з, ж, не замѣняются въ произношеніи, при сочетаньяхъ, соответствующими твердыми, но выговариваются отчетисто: кружка, ловъ (какъ лоу), исключить, забавить, згорѣть; равно ч, въ словахъ: что, скучно, не замѣняются буквою щ; звукъ я никогда не измѣняется въ е: заяць, ячень, отчаяніе, произносятся очень отчетливо. Наконецъ, весьма часто слышишь у насъ вмѣсто в, и наоборотъ, да малорусское, мягкое окончанье: онъ хѳдитъ, они умываються. Если съ одной стороны иноплеменцы здѣсь обмоскались, то съ другой, во всѣхъ, даже и велико-русскихъ селеньяхъ, народъ принялъ этотъ говоръ: исключенье составляютъ одни только рускіе раскольники (малорусскихъ нѣтъ ни одного), которые, будучи поселены здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, лѣтъ тому сто или болѣе, сохранили языкъ свой почти чисты-

мъ.

Здѣсь въ общемъ ходу обороты: я нанялъ (т. е. отдалъ внаймы) свой домъ, это было за (т. е. при) губернатора NN; вы смѣтеть съ меня; онъ похожъ съ нимъ; ты мнѣ виновать (долженъ); для (по) какой причины; я рассказывалъ да игрался (болталъ да игралъ); я за его запомнилъ (я объ немъ забылъ), и пр.

Словъ, принадлежащихъ собственно Новоросійскому краю, кажется, нѣтъ — кромѣ развѣ одескаго: франсо́ля, французскій или нѣмецкій хлѣбъ; — а принято много малорусскихъ, да по сосѣдству татарскихъ, иногда волошскихъ, жидовскихъ и др.

6. *Донское наречіе.*

Донцы раздѣляются на верхѡвцевъ и низовцевъ; первые сидятъ по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, версть на 300 отъ границъ Воронежской губерніи; всѣ остальные называются низовцами. Первые, по происхожденію, почти всѣ великорусы; вторые малоросы. Кромѣ того, и помѣщичьи крестьяне Донскаго Войска малоросы. Наречіе между тѣми и другими исподволь выравнивается; но мѣстами малорусское слышно довольно чистое, тогда-какъ великорусское сильно отзывается югомъ. Говоръ у нихъ вообще на *a* (у малоросовъ на *o*); *z* передъ гласною обращается въ придыханье; окончанье въ 3 л. глаг. мягкое; начеваль себѣ здорова, дневаль себѣ здорова, обычныя привѣтствія; сколько ты, братуша, ведровъ воды принесла? не моги говорить это; правожъ-ну; анадысь были и пр. У донцевъ есть особыя слова, какъ напимѣръ: дротикъ — копье, пропáсть — отлучиться, полосá — сабля, и много хорошо составленныхъ реченій, по своему ремеслу, отчасти принятыхъ въ послѣдствіи въ военномъ языкѣ: Скрасть

караулы, добыть языка, стоять на-слуху, пойти или наступить лавой, прихватить гривки, дать конемъ маяка, идти одвуконь, вести коня въ заводъ, сбить съ пахвы, идти на-побѣгъ, показать неприятелю примѣръ (обмануть), побѣжка лошади — вмѣсто алюръ, опознаться — вмѣсто черезчуръ нерускаго: ориентироваться; батовать коней, и пр. Вообще же, у донскаго наречія много общаго съ новоросійскимъ.

7. Смоленское наречіе.

Это четвертое изъ четырехъ главныхъ наречій — или, по нашему счету, седьмое, западное, бѣлорусское, или смоленское, — идетъ отъ Москвы на западъ и незамѣтно переходитъ въ чистое бѣлорусское, на которое уже значительно намекаетъ даже говоръ въ *Волоколамскѣ*, *Рузѣ*, *Можайскѣ*. Безъ всякой натяжки можно включить сюда всѣ западныя губерніи наши, и тогда къ наречію этому будутъ принадлежать губерніи: Смоленская, Витебская, Могилевская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская: одни только пань, шляхта, говорятъ тамъ по-польски; но мы

здѣсь ограничимся Смоленскою и сосѣдними съ нею уѣздами. Наречіе это, по грамматикѣ своей, принадлежитъ болѣе къ великорусскому; по множеству примѣшанныхъ словъ, и частію по произношенью (согласныхъ), малорусскому и польскому; а собственно по произношенью, особенно гласныхъ, оно отчасти самостоятельно.

Въ смоленскомъ наречіи акаютъ до приторности, и аканье это усиливается на западъ и югъ, черезъ Бѣлую до Черной и Малой Руси, переходя въ языки польскій и украинскій. Одного этого признака достаточно для отличія смоленскаго наречія отъ новгородскаго, владимірскаго и даже отъ московскаго; но надо искать другихъ, для отличія его отъ рязанскаго, новоросійскаго, донскаго (даже отъ псковскаго, тверскаго, калужскаго), и это именно:

1) *Дзеканье*, общее всей Бѣлой-Руси, за весьма немногими исключеніями: вмѣсто *д*, *т*, слышится *дз*, *тз*; но шипящія произносятся чисто. Изъ этого слѣдуетъ окончаніе глаголовъ на *ць* вмѣсто *ть*. Затѣмъ:

2) *Господство*, послѣ *а*, звука *у*, который

часто замѣняетъ *о*, *в*, и даже *л*: *вѣукъ* *вѣукъ* — *волкъ*; *узязя* — *взяся*; тутъ на *у* должно послѣ гласной ставить кратку (*ў*), какъ у насъ на *й*.

3) Предлогъ *съ* произносится *зъ*.

4) Слѣдующія за шипящими, за *ц*, *р*, двугласныя (*е*, *ѣ*, *я*, *ю*) обращаются въ гласныя простыя или твердыя (*а*, *у*): *жыць*, *жита*, *цыпаць* (*цѣпать*), *трэсьць* (*трясти*), *шыть*, *шыло*, *граховъ* (*грѣховъ*), *трабухъ* (*требуха*), *кручокъ* и пр.

5) Есть наклонность, хотя и не общая, къ замѣнѣ мягкаго *лъ* твердымъ *л*: *пѣлцы*, *калцѣ*.

6) Буквы *з*, *к*, въ косвенныхъ падежахъ, особенно передъ *ѣ*, часто измѣняются на *з*, *ц*: на *дорозѣ*, на *нозѣ*; за то въ глаголахъ остаются: *лгешь*, *пjakэшь*, *іонъ лгецъ*, *пjakецъ*, *вы лгѣця*, *пjakѣця*.

7) Гласныя *о*, *у*, въ началѣ, всегда имѣютъ передъ собою *в*.

Болѣе или менѣе общія съ рязанскимъ наречіемъ свойства: *з*, передъ гласною обращается въ придыханіе (*h*), и вообще никогда не произносится круто; окончанія: *аго*, *его*, *яго*, произносятся какъ пишутся, не измѣняя *з*

на *в*; обращенье *е*, *ѣ*, въ *и* или *я*, на что даютъ слѣдующее правило: коли первая гласная, послѣ *е*, *ѣ*, будетъ у съ удареніемъ, то первыя измѣняются въ *я*: ня бѹду, пабягѹ, пятѹхъ; если же другая гласная, либо у безъ ударенія, то въ *и*: ни гукѹй, пируномъ (а съ удар. на у, пярѹнъ), питушѹкъ; если же буквы у нѣтъ вовсе, или она въ третьемъ слогѣ отъ ударенія, въ полугласныхъ (съ краткой), то *ѣ*, *е*, обращаются въ *и* передъ *а*, и передъ *я*; передъ прочими же гласными въ *я*: ниукавырнѹй, ниугамѹннѹй; но если, въ этомъ случаѣ, въ слогѣ за полугласной у слѣдуетъ опять у, то *е*, *ѣ* обращаются въ *и*: ни упусці. Правила эти что-то сложны; но изъ этого кажется видно, что бѣлорусы и смоляне не знаютъ разницы между *е*, *ѣ*, и буква эта въ какой-то связи съ любимымъ ихъ звукомъ у.

Даютъ, впрочемъ, и другое правило, можетъ-быть болѣе вѣрное: коли послѣдующій слогъ подъ удареніемъ, то *е*, *ѣ* переходятъ въ *я*, а послѣ кореннаго *и*, *р*, *ш*, *щ*, *ч*, въ *а*. Если же въ слогъ подъ удареніемъ будетъ *а*, *я*, то *е*, *ѣ*, переходятъ въ *и*, *а*, послѣ: *ц*, *р*, *ш*, *щ*, *ч*, въ *ы*. Вотъ замѣчательное склоненіе слѣва дитя: И.

дзяцё. Р. дзиця. Д. дзицю. В. дзяцё. Тв. дзяцёй.
П. о дзяцѣ.

Относительно дзеканья замѣтимъ слѣдующія правила: Если за *д* слѣдуетъ гласная мягкая (двугласная), то говорятъ: дзень, людзи, дзнёмъ, дзвѣ, дзля-чаго; а также, если при *д* находится *ь*: будзь, грудзь, судзьба, вѣдзьма. Напротивъ, коли за *д* слѣдуетъ гласная простая (твердая) или *ь*, то не дзекають: сюды, вода, дно, два; мѡладъ, маладѡ, увсягда, прудъ.

То же правило относительно *ш*: тсѣнь, тсѣтка, тѣтѣчки, твѣтъ, казаць, галузаць (шалить), палатно, трава.

Можно дать еще слѣдующія примѣты смоленскаго наречія:

Увеличит. степень оканчивается на *уга*. юга: мужичѣуга, вавчѣуга (волчища), дамѣуга (домища), бараздѣуга (бороздища) и пр.

Звательн. пад. въ ж. р. иногда оканчиваются на *ухна*: о мая матѣухина, тсѣтѣухна (тетка)!

Отъ собств. именъ есть особаго рода производныя, для дѣтей: Иванъ — Иваненокъ, Петро — Питрачонокъ, Семень — Сямчѡнокъ, а

во мн. ч. — Иваняты, Питрачяты.

Согласныя передъ *ы* сдваиваются: жицьцѣ (житье), видзяньнѣ, бяльлѣ, вяселья, калоцьця.

Множ, число оканчивается на *ы*, *и*: другихъ окончаній (*а*, *я*) не знаютъ: гла́зы, вухи, круччы (крючья), волосьси; дѣбрыи, чѣрныи (черные, я), дарагіи, харо́шии.

Сущ. на *ь* м. р. мн. ч. въ род. пад. оканчиваютъ на *ёвъ*: гасцёвъ (гостей), дзнёвъ.

Въ прилагательныхъ, вмѣсто *ой*, слышно твердое *эй*: святэй, худэй, злэй, чужэй; а послѣ гортанныхъ, *ей*: другѣй (другой), якѣй, лакѣй; но послѣ *гк*, гов. *а*: мя́гкай, легкай.

Передъ твердыми гласными, буквы *ф*, *ѳ* обращаются въ *х*; передъ мягкими, въ *хв*; коренная же буква *х* произносится чисто: Хама (Ѳома), хунть, хранцузъ, Хведзька, Хвядоть; хуторъ; харашо. Въ глаголахъ, окончаніе *овать*, *евать* измѣняется въ *уваць*, *юваць*; крыць — крыю, крый; мыць — мыю; пѣй пѣсню; пій брагу; я ѣмъ, ты яси, яны ядуць; вообще 3 л. оканчивается не на *тъ*, какъ въ новгородскомъ наречіи, и не на *ть*, какъ въ ряжанскомъ, а на *ць*: йонъ говарыць, яны хѣдзю-

ць; въ вмѣсто *лъ*; йонъ хадзивъ, бывъ, пражыкува́въ; но во мн. ч. остается *л*: яны хадзили. Эта послѣдняя черта приближаетъ бѣлорусское наречіе къ малорускому. Гласная *е*, безъ ударенія, обращается и въ глаголахъ въ *и* либо въ *я*; съ удареніемъ же остается, переходя впрочемъ въ *ё* только въ 1-мъ л. мн. ч. наст. врем.

Въ Смоленской губ. отчасти не дзекають только въ *Вяземскомъ* и *Гжатскомъ* уѣздахъ; о прочихъ же можно сказать съ украинцами: *Хиба лихо озме литвина, щобъ винъ не дзекнув!* Въ *Дорогобужѣ* слышимъ уже: *слухай, хадзі, ошукáуся* (обманулся); въ *Сыневкѣ*, кто дзекаеть, кто нѣтъ; но всѣ говорятъ: *бáвиться, стежка, у комнати, я войду, вм. уйду.* Въ сосѣднихъ губерніяхъ *Ржевѣ*, *Зубцовѣ*, *Волоколамскѣ*, *Можайскѣ*, *Медынскѣ*, *Мосальскѣ* носятъ на себѣ болѣе или менѣе признаковъ бѣлорускаго или смоленскаго говора, которому слѣдуетъ обращикъ:

Яжъ табѣ казáвъ, ня бярі́ больши адъ яднаго вóза; ну и увз́яу ба адзинь. Якъ хто хочиць, такъ па сваёмъ бацьку и плачиць. Кабъ ня дзі́рка у рóци, хадзіу ба у злóци (о пьяницѣ).

Абица́нка, цаца́нка, дурня́ги ра́дасць (т. е. по-суленное краснó, а дуракъ тому и радъ). Ды сягóдни и у городи ни боли (нисколько) жидау нѣтуци, дыкъ и торгу нѣ; хуць кажуць шта жиды худы, а бязъ ихъ и толку нѣтуци; боль ихъ зна́иць, гдзѣ яны падзива́лись; ка́жуць шта свята́ ихъ зайшла; дакъ я на базари и ня прадався.

Это бѣлорусское наречіе, какъ сказано, распространяется на западъ, до польскихъ губерній, на югъ до малорускихъ, отличаясь въ различныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыми особенностями и принимая, по сосѣдству, слова, обороты и говоръ польскій, малорускій или великорускій, послѣднее въ особенности относится до губерніи Смоленской; а сильное участіе бѣлорускаго слышно въ Черниговской, Орловской, Калужской, Тверской, и особенно въ Псковской; можно сказать, что оно слышится и въ Москвѣ, потому что *áканье* или высокій говоръ нашъ, сдѣлавшійся общимъ, конечно произошелъ отъ смѣси новгородскаго со смоленскимъ.

О языкахъ искусственныхъ.

Скажемъ, для полноты, нѣсколько словъ о языкахъ искусственныхъ въ Росіи, хотя это предметъ болѣе или менѣе посторонній.

Напередъ всего языки *ламанскій* или *офенскій*: онъ далеко неполонъ и ограничивается нужнѣйшимъ въ быту ходящихъ. Начало его не извѣстно; родина — Алексинская волость, Ковровскаго уѣзда (Владимірской губ.), откуда уже въ 1700 году разсыпались ходящики, коробейники по всей Росіи, называя сами себя страннымъ именемъ *масыковъ*. Торговля эта нынѣ въ упадкѣ, а съ нею и языкъ, который впрочемъ распространился, съ нѣкоторыми отмѣнами, между такими же мелочными торговцами и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ: въ Костромской, Тверской (Бѣжецкѣ), даже Симбирской и Рязанской. Замѣтимъ мимоходомъ, что покойный Макаровъ помѣщалъ въ словарь своемъ, безъ разбора, офенскія слова, приписывая ихъ тому либо другому мѣстному наречію: примѣру сему послѣдовала и академія наша, помѣстивъ въ областномъ словарѣ своемъ, безъ всякой

оговорки, нѣсколько офенскихъ словъ. Придуманнѣй языкъ этотъ сшитъ многими поколѣнїями исподволь изъ переименованныхъ рускихъ словъ, коимъ дано, по какимъ либо отношенїямъ ихъ, иное значенїе; есть слова мѣстныя, занесенныя ходоуцами изъ дальнихъ отъ родины ихъ концевъ Руси; есть вновь придуманныя, по рускому складу; грамматика и все строенїе речи, разумѣется, рускія. Вотъ обрауокъ:

Мисовской курехой стремыжнѣй бендюхъ прохандырили трущи: лохи биряли колыги и гомза, кубы биряли бряеть и въ устреку кундяковъ и ягреньтъ; аламонныя карюки курещалн курески, ласые мешаты грошались. То есть: Въ нашей деревнѣ третьяго дня проходили солдаты; мужики угощали ихъ брагой и виномъ, бабы подавали ѣсть, а въ дорогу надали пироговъ, яиць и блиновъ; красныя дѣвки пѣли пѣсни, малые жѣ ребята смѣялись.

У владимирскихъ офеней кафтанъ — *шустякъ*, у симбирскихъ — *шерснякъ*; шаровары — *шпыни*. влад. и чнары, симб., сукно *шерсно* и *вехно*; но бѣльшая часть словъ одни и

тѣ-же. Иныя прямо рускаго происхожденія: двери — скрипы; кнутъ — визжакъ; дитя — пѣщенокъ; дѣлать — масты́рить; домъ — курёха; другія, неизвѣстнаго: дворъ — рымъ; деньги — юсы; дрова — воксари, и пр. Иногда слова составлены одно по другому, по рускому образцу: Богъ — Стодъ; богатый — стóдень; долгъ — шилгъ; долго — шилго; жечь — дѹлить; жаркóе — дульное; иногда рускимъ словамъ дано иное значеніе: городъ называется костерь; умереть — отемнѣть; мнимое же сходство офенскаго языка съ греческимъ едва ли не ограничивается словомъ *хирки*, руки, при чемъ надо вспомнить, что и въ Нерехтѣ и Галичѣ рукавицы зовутъ *нахирегами*. Впрочемъ, *пенда*. пять, и *деканъ*, десять, въ счетѣ офенскомъ также замѣчательны, по такому же сближенію.[5]

Костромскіе шерстобиты, таскаясь съ лучка́ми своими по всей Руси и подражая ковровцамъ, также сложили себѣ свой языкъ, частію перенявъ офенскій, а частію переиначивъ и добавивъ его своимъ сочиненіемъ. Можетъ быть я приложу, въ концѣ словаря, словарики офенскій и шерстобитовъ.

Въ Рязанской и Тверской губерніяхъ записные нищіе, по промыслу, и мошенники, воры, конокрады, зверёнчики, говорятъ почти тѣмъ же офенскимъ языкомъ, съ небольшими только измѣненіями, и называютъ его *кантюжнымъ*.

Столичные, особенно питерскіе, мошенники, карманники и воры различного промысла, извѣстные подъ именемъ мазуриковъ, изобрѣли свой языкъ, впрочемъ, весьма ограниченный и относящійся исключительно до воровства. Есть слова общія съ офенскимъ языкомъ: клёвый — хорошій; жуликъ — ножъ, но также воришка; лёпень — платокъ; ширманъ — карманъ; пропулить — продать; но ихъ немного, больше своихъ, на примѣръ: бутыръ — городской; фараонъ — будочникъ; стрѣла — казакъ; канна — кабанъ; камышевка — ломъ; мальчишка — долото, и пр. Этимъ языкомъ, который называется у нихъ *байковымъ*, или по-просту, *музыкой*, говорятъ также всѣ торговцы Апраксина-двора, какъ надо полагать, по связямъ своимъ и по роду промысла. *Знать музыку* — знать языкъ тотъ; *ходить по музыкѣ* — заниматься воров-

скимъ промысломъ. Вотъ обращикъ этого говора:

Что стыриль? Срубиль шмель да выначиль скуржаную лоханку. Стрэма, каплюжникъ: перетырь жулику да прихерься. А ты? угналь скамейку да проначиль на веснухи. То-есть: Что укралъ? Вытащиль кошелекъ да серебряную табакерку. Чу, полицейскій: передай мальчишкѣ; да прикинься пьянымъ. А ты? укралъ лошадь да промѣняль на часы.

Коновалы, конокрады, барышники также составили родъ условнаго мошеническаго языка, еще болѣе ограниченнаго и притомъ образованнаго сплошь изъ перековерканныхъ татарскихъ словъ и искаженнаго татарскаго счета, чему можно видѣть примѣры въ словарѣ Бурнашева.

Быль когда-то еще мошеническій или разбойничій языкъ у волжскихъ разбойниковъ, если нѣсколько условныхъ реченій и речей можно назвать языкомъ; но отъ него, благодаря Бога, остался одинъ только слѣдъ или память, въ поговоркахъ: сарынь на кичку, да дуванъ дуванить. Са(о)рынь и нынѣ мѣстами значить чернь, толпа; кичка — носъ судна;

это было приказаніе бурлакамъ убираться въ сторону и выдать хозяина, что́ всегда и исполнялось непрекословно, частью потому, что бурлаки были безоружны и считали разбойниковъ кудесниками, а частью и потому, что бурлакамъ до хозяина и товара его не было никакой надобности. Дуванъ дуванить — дѣлать добычу.

Кстати, увѣряють, будто есть также бурлацкій языкъ и будто въ разныхъ городахъ поволжья составляютъ словарь этого языка. Напрасно: такого словаря не будетъ, потому-что языка этого нѣтъ; развѣ угодно будетъ назвать такъ судоходныя выраженія по Волгѣ или шуточные выраженія гульливой молодежи: хлебáлка — ложка; ядáло — ротъ; нюхало — носъ; грабилки — руки, и пр.

На Кяхтѣ образовался общій съ китайцами торговый рускій языкъ, или наречіе, котораго непривычный не пойметъ. Это — рускія слова, изломанныя по китайскому произношенію, а речь, исковерканная по китайской граматикѣ, безъ склоненій и спряженій.

Тарабарскій языкъ школьниковъ состоитъ

въ перестановкѣ или замѣнѣ согласныхъ, по известному правилу, тогда-какъ гласныя остаются неизмѣнны: вмѣсто б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, ставятъ: щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п, и наоборотъ; такъ-что вмѣсто: я унесъ у Ваньки калачикъ, говорятъ смѣло и въ-слухъ: я упель у шапти тасагить!

Говоръ по-херамъ, то есть гдѣ за каждымъ слогомъ приговариваютъ *херъ*, достоинъ вниманія развѣ по слѣдующему событію: два братца, охотники до погулокъ, рѣшились объясниться въ присутствіи отца по херамъ, но не искусились еще въ этомъ дѣлѣ и потому, приставляя по херу только предъ каждымъ словомъ, а не слогомъ, одинъ сказалъ: Хер-братъ, хер-пойдемъ! Хер-куда? Хер-въ кабакъ. Къ крайнему ихъ изумленію, отецъ видно также зналъ говорить по-херамъ и, вмѣшавшись въ бесѣду, сказалъ: А хер-кнутъ? и сыновья присѣли на лавку.

Правописаніе для словаря наречій.

Послѣ этого очерка — краткаго для дѣла, а для читателей быть можетъ слишкомъ длиннаго — можемъ приступить къ другому, весьма важному вопросу: какое правописаніе принять для словаря наречій?

Ближайшій отвѣтъ на это: писать на-слухъ, какъ можно ближе къ произношенію; и это правило, повидимому, принято было для разсматриваемаго нами словаря. Но вотъ еще неудобства: Изъ предшедшаго обзора видно, какъ различны мѣстныя произношенія: буква *а* выговаривается какъ: *а, о, е, ы, я*; буквы *е, ъ* произносятся какъ: *е, ё, и, я*; буква *о*, какъ *о*, какъ *а* полугласное, *а* полногласное, какъ *ы, у, уо, уы*, и пр. Словомъ, какъ мы видѣли выше, можно перебрать всѣ буквы азбуки нашей, и почти каждая мѣстами замѣняетъ другую; вмѣсто одного словаря, надо напечатать ихъ десять либо двадцать, чтобы показать каждое изъ этихъ произношеній какъ особое слово. Вотъ почему издатели разбираемаго словаря вынуждены были раскинуть по своимъ мѣстамъ: на-

бѣруха, набѣру́ха, набирѹ́ха, набирѹ́ха, пропу- стивъ при всемъ томъ еще набѣру́ха и набя- рѹ́ха; также: мяклашъ, мякльшъ, мяклушъ; повѣсьмо, повѣсмо, повѣсма, повѣсло; при се- мь еще сдѣланы ссылки, не на одно изъ этихъ словъ, признаваемое за болѣе правильное, а по урядью, съ одного на другое.

Далѣе: если писать всѣ слова на-слухъ, то теряется всякое разумное, сознательное изученіе. Мы примемъ за новое слово чужда- го происхожденія то, что въ сущности намъ давно знакомо, но произносилось нѣсколько иначе. Изученіе наречій именно тогда только занимательно и полезно, когда это дѣлается не безотчетно и состоитъ не въ затверживаніи новыхъ словъ, а въ розысканіи происхожденія ихъ и образованія. Читая (Слов. Акад.) слова: *тамалка* или *супротки*, какъ они произносятся, мы становимся втупикъ, видя, что одно значить тряпицу, другое посидѣлки; но если скажемъ притомъ, что первое пишется *отымалка*, и служитъ для съема горшковъ съ загнетки, а второе, *супрядки*, отъ слова прясть, то намъ открывается другой видъ, другое поприще и поле, и мы

произносимъ слова эти сознательно, понимая ихъ значеніе. Этого мало: если писать на-слухъ, то жестокіе промахи неизбѣжны; неоспоримымъ доказательствомъ служатъ всѣ словари чужихъ языковъ, составленные на-слухъ незнавшими этого языка. Такъ и въ областномъ словарѣ множество словъ написаны по такому правописанію, что ихъ нельзя понять и что теряется всякое разумное производство ихъ; напимѣръ: абжа, вмѣсто обжа; ажѣще, вмѣсто ежище, ёжъ; батѣкъ, байтикъ, батогъ, бадокъ, падокъ, чтó все одно и то же; бесомыга и бисомыга, вмѣсто босомыга и бѣсомыга; биздиля, вмѣсто бездѣля; взаболь, вмѣсто забыль, въ-быль; варягуша, вмѣсто ворогúша, врагъ; вежжица, вмѣсто возжица, возжа; галанить, галанка, галань, вмѣсто голанить, отъ Голандія; галицы, выгальять, вмѣсто голицы, выголять, отъ голый; горóфина, вмѣсто гороховина; завичать, вмѣсто завѣчать, отъ завѣтъ; комоха, комаха, вмѣсто кумуха, отъ кумá; мадежъ, вмѣсто матежъ, отъ мать; мошенѣкъ, вмѣсто мшеникъ, отъ мохъ; накитка, вмѣсто накидка; огвѣздить, вмѣсто озвѣздить; да кромѣ того, какъ уже

было упомянуто, поль-словаря перепечатано вдвойнѣ, и при всемъ томъ далеко не показаны всѣ различные виды произношенія.

Далѣе: вѣдь и общепринятое правописание наше не отвѣчаетъ обычному, по московскому говору, произношенію; глазъ видитъ *о*, видитъ *з*, а языкъ говоритъ *а*, *в*; какъ тутъ быть? какъ читать написанное нами мѣстное слово: буквально ли, какъ оно написано, или съ тѣми условными уклоненіями отъ кореннаго значенія буквъ, какія приняты въ русской грамматѣ? держаться ли этого же правила и тамъ, гдѣ именно нужно показать уклоненіе отъ общаго произношенія, и ставить въ этомъ случаѣ не ту именно букву, которую бы слѣдовало по выговору, а ту, которая, по принятымъ нами условнымъ правиламъ, произносится какъ первая? Наконецъ, какъ быть, если для этого вовсе буквъ недостаетъ, если, напримѣръ, *з* произносится какъ *н*, однимъ придыханіемъ, или когда это же *з* должно быть произнесено именно какъ *з*, тогда-какъ мы привыкли выговаривать его *в*? какъ написать *котораго*, съ тѣмъ, чтобы читали *го*, а не *во* или *ва*? Мы пишемъ *здѣшняго*, а читаемъ

здѣшневѣ; какимъ же образомъ заставить читать слово это, какъ оно пишется и какъ мѣстами произносится, на примѣръ въ рязанскомъ наречіи?

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что необходимо принять какое-нибудь положительное правописаніе, для однообразія, принять общія правила; иначе мы сами запутаемся среди пестроты и произвола; необходимо же написать слово такъ, чтобы можно было понять и уразумѣть его, если только оно русское; слово, написанное просто на-слухъ, нерѣдко покажется намъ вовсе чуждымъ, непонятнымъ, ровно взятымъ съ неизвѣстнаго языка; необходимо самымъ правописаніемъ указать на корень, на происхожденіе его, на связь съ общимъ рускимъ языкомъ, иначе утрачена будетъ природная связь наречія съ языкомъ; а сверхъ этого, необходимо также указать, какъ можно вѣрнѣе, произношеніе по мѣстному говору!

Кажется, задача эта и всѣ видимыя противоречія ея разрѣшаются легко и просто, если принять слѣдующія условія и правила:

1) Дать читателю предварительное понятіе

о различіи наречій, о мѣстныхъ говорахъ: это уже по себѣ дастъ ему средство опредѣлить, какъ написанное слово можетъ, или не можетъ произноситься въ области извѣстнаго наречія. Таковы всѣ общія и безъисключительныя правила произношенія, данныя нами по всѣмъ восьми главнымъ наречіямъ, или по крайней мѣрѣ по четыремъ.

2) Посему должно положить въ основаніе общепринятое правописаніе и произношеніе, отмѣчая условнымъ знакомъ ту букву, которая въ этомъ случаѣ должна быть произнесена иначе, а какъ именно, смотри въ общихъ правилахъ. Такимъ образомъ, мы будемъ ставить всюду *o*, гдѣ мы писать его привыкли, но отмѣчать, если оно должно произноситься *o*, вопреки общаго произношенія, читающаго *a*; писать также и тамъ *o*, гдѣ, по мѣстному наречію, произносятся его какъ *y*, *ы*, но отмѣчать опять особымъ знакомъ; писать, гдѣ слѣдуетъ по языку, а не по наречіямъ: *ѣ*, *в*, *ч*, и пр. и отмѣчать буквы эти знаками, для тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ произносятся какъ: *и*, *я*, *у*, *ц*, и пр.

Само-собою разумѣется, что этихъ правилъ

должно равно держаться какъ въ тѣхъ областныхъ словахъ, которыя находятся, съ небольшими уклоненіями, въ коренномъ языкѣ, такъ и въ выраженіяхъ вовсе для насъ новыхъ; и ихъ должны мы читать, какъ привыкли читать по-русски, съ условною отмѣною въ произношеніи тѣхъ только буквъ, которыя будутъ отмѣчены знаками. Это же самое правило прилагается, безъ всякаго неудобства, и къ наречіямъ болѣе уклонившимся отъ нашего языка, напримѣръ, къ бѣлорускому и малорускому; относительно послѣдняго, та же мысль была уже у Максимовича, но опытъ его немногимъ понравился; а почему? я думаю потому, что довольно трудно и сбивчиво, по непривычкѣ, читать глазами одну букву, а языкомъ, во уваженіе поставленнаго надъ нею знака, другую, и притомъ дѣлать это на память. Чтобы не сдѣлали и мнѣ нынѣ того же возраженія или упрека, предлагаю слѣдующее:

3) Вопросъ, какіе именно знаки ставить надъ измѣняемымъ произношеніемъ буквъ, особенно въ случаяхъ, гдѣ одна и та же буква читается на нѣсколько ладовъ, рѣшится, если

для предлагаемаго словаря отлить особья литеры, надъ которыми, вмѣсто знаковъ, должна быть выставлена маленькая буква, по произношенію; словомъ, измѣняемая буква должна быть двойная: коренная, по языку, а надъ нею — производная, по говору или наречію. Гдѣ надо показать, что буква остается при коренномъ значеніи своемъ, а не при условномъ, тамъ ставить надъ нею собственный ея же знакъ. Придыханье можно показать латинскимъ h надъ рускимъ г.

4) Наконецъ, для обозрѣнія вставочныхъ, излишнихъ противу общаго языка нашего звуковъ, чтобы лишнія буквы эти не застили и не затемняли корня, вставляютъ ихъ другаго набора, или подъ строкой, и наоборотъ, ставятъ на своихъ же мѣстахъ, только сверху, мелкимъ наборомъ, буквы, пропускаемыя по мѣстному говору и при малоизвѣстныхъ сокращеніяхъ, затемняющихъ смыслъ. Можно также пропускъ буквы означать ковычкой вверху, то есть апострофомъ, какъ я и дѣлаю въ словарь своемъ.

Кажется, предложенія эти просты и удобны; смѣю думать, что другой способъ

согласованія всѣхъ противоречій отыскать будетъ трудно, а неудобствъ и возраженій — кромѣ расхода на новыя матрицы — не предвижу. Думаю, впрочемъ, что можно бы обойтись даже и безъ этого, вставляя двѣ буквы поменьше, одну надъ другою, намѣсто измѣняющейся.

Видъ и устройство словаря.

Перейдемъ къ третьему и послѣднему вопросу: какой видъ придать словарю наречій, какъ устроить и расположить его, для бѣльшей пользы и удобства? Думаю, что вопросъ этотъ родится во всякомъ, кто съ жадною любознательностію бросился на вновь вышедшій словарь Академіи и, перелистывая его, не зналъ, какъ къ нему приступить.

Въ самой вещи, какъ употребить въ дѣло словарь, гдѣ реченія пятидесяти мѣстностей выписаны сподрядъ въ азбучномъ порядкѣ? читать безконечный списокъ этотъ, какъ книгу, нельзя: пріискать что-либо, на примѣръ, нѣтъ ли въ различныхъ мѣстностяхъ различныхъ выраженій для дан-

наго предмета или понятія — нельзя; доискаться, не употребляется ли въ Архангельскѣ другое выраженіе, чѣмъ въ Тамбовѣ, или чѣмъ въ Москвѣ и вообще на письмѣ, и какое именно — нельзя; разсмотрѣть, какія выраженія въ ходу въ такомъ-то наречіи, что въ нихъ общаго, чѣмъ отличаются они отъ мѣстныхъ словъ другой области — нельзя, ихъ не найдешь, надо читать все сподрядъ и развѣ выписывать; словомъ, въ такомъ словарѣ одна только польза, или пожалуй двѣ: во первыхъ, слова собраны, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, и сохранятся; во вторыхъ, нашедши или услышавъ какое-либо слово, можно справиться, есть ли оно въ словарь, а буде нѣтъ — дополнить!

Очевидно, такое расположеніе затрудняетъ употребленіе словаря. Повторимъ: наречія нашего языка весьма близки къ языку общему, а мѣстныя реченья, почти безъ изъятія, должны войти въ общій запасъ законнаго достоянія его; вотъ главная цѣль и польза ихъ изученія. Припомнимъ снова и то, что всѣ мы плохо знаемъ по-русски, крайне нуждаемся въ русскихъ словахъ и оборотахъ,

и что найти ихъ можно, конечно ужь не въ книгахъ, а въ народѣ: облегчить это изученіе — вотъ назначеніе словаря!

Словарь двуязычный долженъ быть расположенъ по азбучному порядку одного изъ языковъ; словарь одноязычный, съ тою цѣлью, какъ они издаются обыкновенно, для отысканія смысла сомнительнаго слова, встрѣченнаго на письмѣ, для повѣрки подлиннаго и прямого значенія какого-либо реченія, наконецъ, для справки о правописаніи: такой словарь также не можетъ быть расположенъ иначе; но, для русскихъ, областной словарь въ такомъ видѣ неудобенъ, потому что я никогда почти не стану отыскивать въ немъ слышаннаго слова, или случай этотъ встрѣтится весьма рѣдко, а я бы желалъ, наоборотъ, знать, какія выраженія есть въ народѣ взамѣну реченія принятаго нами, по лѣни и невѣжеству, съ чужаго языка, или скованнаго нами самодѣльщиной весьма неудачно; желалъ бы видѣть, какія есть тожественныя или близкія другъ ко другу выраженія, для обозначенія различныхъ оттѣнковъ одного и того же понятія; желалъ

бы также изучить реченья эти сравнительно одно съ другимъ, чтобы ознакомиться съ духомъ каждаго наречія и извлечь изъ этого какія-либо общія заключенія. Всего этого по нашему (академическому) словарю сдѣлать нельзя.

Скажемъ болѣе: для насъ гораздо важнѣе пріискать нужныя выраженья, чѣмъ знать, гдѣ именно они употребляются. Мы вообще бóльшею частью ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что въ первый разъ его тамъ слышали: но мы слишкомъ мало знакомы съ народнымъ языкомъ и одинъ только случай даетъ намъ — особено письменникамъ — поводъ, услышать не письменное реченье. Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя до нынѣ въ ходу почти повсемѣстно; напримѣръ: обѣльный, обѣтный, огнѣвица, огнище, одвуконный, окарачиться, ополичить, опрѣсь, очепь, пазанки, повѣть; словомъ, бóльшая часть малаго числа словъ, отмѣченныхъ въ словарѣ этомъ областными, свойственны цѣлой половинѣ или даже всей Росіи. Также точно въ словарѣ

областномъ приписаны одной губерніи слова довольно общія, напримѣръ: кремень (скупецъ), бротать (обротать), буза́, будка, бугоръ, буланко, бурена, валенки, варево, ватага, вершина, ветошь, взморье, вилки́ (почему же не единственное: вилóкъ?), водяной, вочью, врагъ, вто́ра, гнету́чка, го́лбець, голубецъ, доспѣть, бальза́нка, возница и тысяча другихъ; все это слова довольно общія.

Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлять словарь наречій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его, да притомъ, если будетъ еще расположенъ такъ, чтобы мы могли найти тѣ именно реченья, въ какихъ нуждаемся.

Если удовлетворить всѣмъ требованьямъ и нуждамъ, то, кажется, слѣдовало бы приняться за изданіе пяти словарей, или словаря въ пяти отдѣлахъ, подъ общимъ заглавьемъ: *Словарь рускаго языка, по всѣмъ его наречіямъ*, на слѣдующемъ основаніи:

1) *Общій рускій Словарь*. Всѣ слова старин-

наго, письменнаго и обиходнаго языковъ, реченія научныя, ремесленныя, промысловыя, выраженія мѣстныя или областныя, даже пожалуй и церковнаго — всѣ безъ различія располагаются въ общемъ азбучномъ порядкѣ, съ указаньемъ, къ которому изъ этихъ разрядовъ слово принадлежитъ, и затѣмъ, съ самымъ краткимъ объясненьемъ, при ссылкѣ на пятый отдѣлъ.

2) *Словарь великорускій* долженъ содержать полное собранье словъ очищеннаго, обиходнаго рускаго языка, съ устраненьемъ всего прочаго. Здѣсь каждое слово должно быть объяснено болѣе подробно, во всѣхъ значеньяхъ своихъ, съ примѣрами, которые бѣльшею частію съ пользою замѣнятъ отвлеченныя и ничего не объясняющія опредѣленія. Каждое слово должно быть также объяснено и переведено отвѣчающими ему тождесловами, какъ собственно рускаго языка, такъ и всѣхъ наречій его, или реченіями областными, и, пожалуй, также словами нашего стариннаго и церковнаго языковъ. Эту часть должно какъ можно болѣе наполнить народными выраженіями и обо-

ротами, отъ которыхъ надо ожидать столько пользы для языка: сюда вошли бы всѣ пословицы, поговорки, выписки изъ сказокъ и пѣсенъ и пр.

Въ первомъ отдѣлѣ мы встрѣтимъ порознь на своихъ мѣстахъ: говорить, болтать, бесѣдовать, молвить, сказать, речи, баить, бахорить, бакулить, балакать, казать, гуторить, гóлдитъ, гóлчить и пр., а во второмъ отдѣлѣ найдемъ только первое изъ этихъ реченій, послѣдующія же, безъ всякаго толкованья, съ одною только ссылкой на первое, которое будетъ объяснено, да сверхъ того переведено всѣми однозначными словами, съ указаньемъ, какое изъ нихъ церковное, старинное, сибирское, нижегородское и пр.

3) *Словари, частные.* Здѣсь было бы полезно помѣстить порознь, для обзора и изученья каждаго наречія по себѣ, словари: церковный, старинный рускій, украинскій, бѣлорускій, всѣхъ великорусскихъ наречій, съ обстоятельнымъ введеньемъ, которое должно содержать краткую сравнительную грамматику всѣхъ языковъ и наречій этихъ, да сверхъ того, подробное разсужденье о наречіяхъ или

говорахъ, съ распредѣленьемъ ихъ по своимъ мѣстностямъ. Желательно было бы присоединить къ тому и обзоръ всѣхъ славянскихъ наречій, хотя сами словари и не должны выходить изъ географическихъ предѣловъ нынѣшней Руси, исключивъ даже Польшу.

4) *Корнесловъ*, принимая впрочемъ слово *корень* не въ ботаническомъ значеніи и не отыскивая его подъ землею: это трудъ неблагодарный и часто бесполезный; выводы такихъ розысканій бываютъ болѣе плодомъ увлеченья, чѣмъ вновь открытыхъ истинъ; какимъ образомъ одно слово выросло изъ другаго, а тѣмъ болѣе на первоначальномъ корнѣ своемъ, этого никто не покажетъ; но можно распредѣлить всѣ слова на семьи, собирая одногнѣздки подъ одинъ общій разрядъ и указывая на взаимную ихъ связь и сродство. Здѣсь также непременно должны быть размѣщены всѣ реченья областныя, и объяснены какъ по происхожденью своему, такъ и по производству.

5) *Словарь толковый*, расположенный не въ простомъ азбучномъ порядкѣ, а по предметамъ. Онъ-то собственно и долженъ служить

для изученья роднаго языка, для отысканья всѣхъ выраженій, какія могутъ кому понадо- биться, для сравненья тождеслововъ и пр.; словомъ, я себѣ воображаю словарь этотъ на- стольною книгою cadaго образованнаго чело- вѣка. Въ этомъ словарѣ, подѣ каждымъ главнымъ, родовымъ или собирательнымъ — въ словарномъ смыслѣ — реченьемъ, должны быть размѣщены, съ подробнымъ толкова- ньемъ, всѣ подчиненныя выраженья, относящіяся къ одному и тому же предмету. Въмѣсто списка всѣхъ словъ языка, размѣщенныхъ въ азбучномъ порядкѣ, сло- варь этотъ будетъ состоять изъ цѣлаго ряда статей, въ каждой изъ которыхъ должны быть объяснены десятки и сотни словъ. Если мы находимъ въ первомъ отдѣлѣ, каждое на своемъ мѣстѣ: гора, цѣпь, кряжъ, отрогъ, хре- бетъ, сырть, курганъ, холмъ, сопка, угорье, изволокъ, взлобокъ, скала, отпрядышь, ка- мень и пр., то всѣхъ этихъ разсѣянныхъ сло- въ никто, въ случаѣ надобности, отыскать и собрать не можетъ, а равно не найдетъ и сравнительнаго ихъ объясненья, которое од- но только въ состояннн дать истинное понятіе

о ихъ значеніи: въ пятомъ же отдѣлѣ всѣ реченья эти, равно какъ и множество подобныхъ имъ, будутъ совокуплены и объяснены сравнительно подѣ общимъ понятіемъ: *гора*, выражающимъ всякое возвышеніе земной поверхности. Въ первомъ отдѣлѣ найдемъ мы: хомуть, дуга, супонь, тяжь, ярмо, заноза, бурундукъ, оштолъ и пр., каждое порознь и на своемъ мѣстѣ; въ пятомъ, напротивъ, подѣ общимъ понятіемъ *упряжь*, пояснена и описана будетъ всякаго рода конская, воловья, верблюжья, оленья и собачья упряжь, употребляемая въ Росіи, съ поименованіемъ всѣхъ ея принадлежностей, какъ именуютъ ихъ во всѣхъ концахъ государства. Также точно подѣ словомъ *умъ* пояснены будутъ всѣ умственныя качества души, а подѣ словами *нравъ* и *сердце* — всѣ свойства и качества нравственныя. Наконецъ, съ большимъ удобствомъ можно бы дополнить словарь этотъ словаремъ наукъ, искусствъ, художествъ, промысловъ или ремеслъ, размѣщая принадлежащія имъ реченья подѣ общими статьями, подѣ выраженіями, заключающимися въ себѣ общее понятіе о какой либо отрас-

ли человѣческой дѣятельности.

Замѣтимъ при семъ случаѣ, что у насъ фабричная производительность не родная, а напротивъ, ремесленность и промыслы разнаго рода значительно развиты въ народѣ нашемъ, какъ необходимая принадлежность домашняго и жизненнаго быта его; посему и словари, относящіеся до разныхъ вѣтвей этой производительности, не должны быть отдѣляемы отъ общаго словаря народнаго языка, принимаемаго во всѣхъ видахъ его и отношеньяхъ.

Устроенный на такихъ основаніяхъ словарь будетъ отвѣчать всѣмъ требованьямъ и надобностямъ: первый отдѣлъ будетъ служить справочнымъ мѣстомъ для всякаго рускаго реченья, въ самомъ обширномъ смыслѣ: найду ли я непонятное для меня слово въ Четьи-миней, въ лѣтописи, услышу ли его устно въ образованномъ кругу, или въ черномъ народѣ, на сѣверѣ, югѣ, востокѣ или западѣ Росіи, отъ плотника, валяльщика, тюленщика, отъ промысловаго или торговаго человѣка — все равно: я нахожу реченье это въ первомъ словарѣ, съ краткимъ объясне-

нъемъ и со ссылкою на пятый, гдѣ могу спознаться съ нимъ накороткѣ.

Второй, отдѣлъ дастъ намъ обиходныя слова, съ объясненіемъ истиннаго смысла ихъ и значенья, посредствомъ примѣровъ; сверхъ того, здѣсь могу я отыскать, какимъ словомъ всякая вещь или понятіе означается въ разныхъ концахъ Росіи.

Значенье *третьяго* и *четвертаго* отдѣловъ ясно по себѣ: одинъ служитъ прямо для обзора каждаго изъ мѣстныхъ наречій и областныхъ словъ извѣстной мѣстности; другой — для уразумѣнія реченій, по взаимной связи и зависимости ихъ, по сродству и ихъ образованью.

Пятый отдѣлъ былъ бы, въ приложеніи къ дѣлу, самымъ важнымъ и полезнымъ: настоятельная надобность въ такомъ словарѣ не подлежитъ никакому сомнѣнью. Образованьемъ своимъ мы ушли впередъ отъ своего языка, духъ нашъ опередилъ плоть и покинулъ обременявшія его вязи и путы; но духъ и плоть здѣсь не могутъ и не должны разлучаться, или коснѣющая мысль, въ безсиліи высказаться, замретъ въ спячкѣ. Пора опом-

ниться, пора приостановиться, перевести духъ и сождать отсталой обозъ. Безъ него обойтись нельзя. Мѣстами придется и подпрячь, и объ этомъ позаботиться дѣло письменниковъ. Толковый словарь, расположенный по предметамъ, такъ что легко было бы отыскать каждое потребное слово, каждое выраженье, узнать сравнительное значенье его, замѣну его тутъ и тамъ другимъ, видѣть въ то же время передъ собою путные примѣры оборотовъ речи, правильнаго рускаго склада, окинуть въ одной небольшой статьѣ весь запасъ реченій нашего богатаго языка, для выраженья даннаго понятія — это потребность насущная, состоящая притомъ въ самой тѣсной связи со словаремъ областнымъ, или, яснѣе, простонароднаго языка.

Соглашусь напередъ съ ожидающимъ меня возраженьемъ, что одному человѣку, въ короткій вѣкъ его, составить эти пять словарей не подсилу; но я не говорилъ здѣсь о работѣ одного лица. Во всякомъ случаѣ, словарь толковый, послѣдній изъ поименованныхъ мною, самъ по себѣ составилъ бы богатый истинникъ для всѣхъ письменныхъ людей, и

только въ этомъ смыслѣ мѣстныя наречія сто́ять изученья. Сотрудники могли бы обсылаться взаимно статьямя, для повѣрки и пополненья; а первое изданье должно бы быть разослано безденежно по всей Росіи, для доставленья въ годичный срокъ отовсюду поправокъ и замѣчаній.

Можетъ быть сдѣлають и другое возраженье или вопросъ: А почему же написавшій статью эту самъ не составитъ такого словаря, или хотя одну часть его?

Ради шутки, пожалуй отвѣчу, что иной хорошо свищеть, а пѣть не умѣеть; но на дѣлѣ сознаюсь, что о себѣ не могу сказать даже и этого: я никогда не писалъ критическихъ статей и для этого не гожусь. Написавъ, по вызову г. Вице-Предсѣдателя Географическаго общества, настоящую статью, я самъ вижу, что написалъ не разборъ, не критику, а нѣчто во все иное. Сознаюсь, впрочемъ, при этомъ случаѣ также, что общее участіе и помощь, оказанныя мнѣ въ этомъ дѣлѣ, при вызовѣ къ тому въ журналахъ, для меня обязательны и даютъ право ожидать и требовать отчета или оглашенія плодовъ этихъ общихъ усилій. Мо-

гу отвѣчать на это только, что работаю, на сколько достаетъ силъ и малаго досуга. Пользуюсь случаемъ этимъ, чтобы поблагодарить всѣхъ услышавшихъ просьбу мою и передавшихъ мнѣ собранье мѣстныхъ народныхъ словъ и замѣтки свои по сему предмету, да въ то же время поновить опять ту же просьбу и о томъ же: можетъ быть современемъ что-нибудь и выйdetъ.[6]

Но чувствую, что пора воротиться къ Словарю и сдѣлать хотя нѣсколько собственно до него относящихся замѣчаній; припомню вкратцѣ и то, что говорилось объ этомъ выше:

1) Недостатокъ общаго введенья, для объясненія различія наречій, весьма ощутителенъ.

2) Поэтому и не могло быть принято столь необходимаго въ подобномъ трудѣ однообразнаго правописанья.

3) Принявъ правописанье по мѣстному говору, издатели иногда ограничивались однимъ говоромъ, а иногда, напротивъ, повторяли одно и то же слово до трехъ и четырехъ разъ, дѣлая притомъ еще ссылку послѣдовательно,

съ одного слѣва на другое: это затруднительно. Удобнѣе бы соединить въ одномъ мѣстѣ всѣ различныя произношенья и, пожалуй, размѣстивъ сверхъ того каждое изъ нихъ, гдѣ слѣдуетъ, дѣлать одну общую ссылку на первое.

4) Правописанье по говору не выдержано, а напротивъ, въ весьма многихъ случаяхъ, отъ грамотной привычки собирателя, вмѣшалось правописанье общепринятое. Это въ особенности замѣтно относительно произношенья буквы о, по двумъ главнымъ наречіямъ, и это должно сбить съ пути всякаго не слишкомъ коротко знакомаго съ дѣломъ.

5) Встрѣчаются небольшія недоумѣнья въ правописаньи, напримѣръ: по какому поводу *порѣтовать* написано черезъ ъ, тогда какъ ни производство этого слова (нѣм. retten), ни произношенье, ни измѣненье или замѣна буквъ этого не оправдываютъ? Здѣсь вмѣсто *ре* произносятся также *ра* и *ря*; да въ томъ же словарѣ глагола *рѣтовать* нѣтъ, а есть *ратовать* и *ретовать*; какъ же это понять?

6) Не сдѣлано различія между общимъ въ

Росіи простонароднымъ языкомъ и местнымъ, или областнымъ, такъ что къ послѣднему отнесено все то, чего не слышать и не видать было доселѣ на письмѣ или въ печати; поэтому:

7) Немалое число реченій, приписанныхъ самой ограниченной мѣстности, одной губерніи или даже уѣзду, употребительны почти повсемѣстно, по крайности по всему объему наречія, къ которому названная мѣстность принадлежитъ.

8) Объясненія не всегда вѣрны и ясны; на примѣръ: *биленько*, объяснено: привѣтствіе во время стирки бѣлья, въ Пермской губ. Но *бѣленько вамъ* — общее привѣтствіе прачкамъ, по всей Росіи, также точно, какъ *хлѣбъ-да-соль*, *море-подъ-коровай* (дойницѣ), *тоненько-долгенько* (пряхѣ), и пр.; *буйвище* слѣдовало бы перевести просто погостъ, кладбище. *Бурлакъ* и *бурлака* приписаны собственно Шенкурску и Каргополю, а о волжскихъ бурлакахъ ни слова! *Гребло* объяснено полной мѣрой; чего? гребло, собственно весёлко, которымъ сгребаютъ хлѣбъ или верхі съ мѣры; *въ гребло* или *подъ гребло* — пол-

ная мѣра. Грунь, не скорая ходьба, а хлынь, рысца конская. Занимáться и въ Уфѣ значить то же, что всюду; мужикъ, а болѣе дворовый человекъ, говорятъ, ради вѣжливости: я этимъ не занимаюсь, предполагая подъ занятіемъ этимъ какое-либо художество; но языкъ галантерейный, какъ Гоголь его удачно назвалъ, можно бы исключить изъ словаря, и потому великатный, великатно, великатность, великатничать, ассаментальный, и тому подобныя выраженья, едва ли здѣсь не лишнія. Не знаю также, за что кошченка написано шч, а не щ, и приписано исключительно Опочкѣ, хотя и переведено общимъ словомъ: кошка! Объясненія допущены иногда довольно странныя, напр. «Османуть, сдавить постороннее вещество съ чего либо продолговато-круглаго, охвативъ и проводя по немъ сжатою ладонью»; не правда ли, ясно? Османуть то же что ошмыгнуть, обтереть. Вообще объясненія бѣльшею частію отрывочны, односторонни, показано одно только частное или переносное значенье; взглядъ для читателя весьма ограниченъ; ясно, что слова подбирались и печатались, какъ были присланы

разными лицами, каждый изъ которыхъ объяснялся по-своему. Мѣстами находимъ цѣлыя изреченья, подѣ соотвѣтствующимъ азбучнымъ порядкомъ начальнаго слова, хотя малое число такихъ поговорокъ показываетъ, что это не было принято за общее правило: *Въ лоны годы, Въ мѣны придти, Мухры пришли, Здорово въ избу. Приѣхать на всѣхъ парусахъ,*— все это размѣщено не въ видѣ объясненія словъ: лоны, придти, мухры и пр., а каждое изреченье въ красную строку, по алфавиту, какъ особое слово. Стало быть и это зависѣло отъ перваго собирателя, который вѣроятно надѣялся, что запасамъ его, для печати, будетъ еще приданъ болѣе приличный видъ.

9) Есть также недоразумѣнья, основанныя на неразборчивости присланныхъ изъ губерній рукописей; на примѣръ: пакáче (получше), ни въ какомъ случаѣ не можетъ говоритья во Владимірѣ, при самомъ низкомъ говорѣ на о; да сверхъ того здѣсь вмѣсто к надо читать н: *поначе*. Равно у насъ нѣтъ слова *наговка*, ни даже въ Ирбитѣ, и надо читать: *начóвка*, *ночóвка*, то-есть *ночвы*, *лотокъ*. Надо тщательно прослѣдить весь словарь, чтобы

распутать всѣ подобныя, немаловажныя для словаря, промахи, безъ этого числа ихъ опредѣлить нельзя, но ихъ не мало.

10) О неполнотѣ я здѣсь и говорить не смѣю: передъ нами одинъ только опытъ, за который мы должны быть чрезвычайно признательны, пожелавъ, чтобы нашлось болѣе подражателей и послѣдователей.

11) Наконецъ, о неудобствѣ расположенья этого словаря говорено было выше: не знаешь, какъ приступиться, какъ пользоваться этимъ дорогимъ подаркомъ. Гораздо полезнѣе бы расположить словарь такимъ образомъ, чтобы можно было, отыскавъ, сравнить реченія, и этому отвѣчалъ бы второй или пятый отдѣлъ предположеннаго мною словаря.

Кончимъ благодарностью за то, что есть и какъ оно есть. За Рускою Академіею неотъемлемая заслуга, что она первая издала словарь русскихъ областныхъ словъ.[7]

Юль 1852. Нижній.

Примечания

Сквернословная брань усвоена поголовно южнымъ племенемъ, наречіемъ а́кающимъ, высокимъ (Рязань, Тула, Орель, Курскъ, Воронежъ, Тамбовъ и пр.), а въ о́кающемъ, низкимъ, слышна только какъ изъятіе.

[^^^]

2

Въ акающ. нареч. мѣстами говор. *кóзна*, съ переносомъ ударенія

[^^^]

3

Если принять окончаніе имен. пад. на *о* (не на *а*), *батюшко*, *сынишко*, то склоненіе будетъ по средн. роду, какъ *солнышко*. Въ Костр. г. также говорятъ: съ *батюшкомъ*, къ *дѣдушку*.

[^^^]

4

Нѣтъ на Руси привѣтливѣе и радушнѣе говор-
наго напѣва олончанокъ.

[^^^]

Позднѣйшіе розыски о семь П. А. Безсонова, который находитъ въ офенскомъ *много* греческихъ словъ и относитъ ихъ къ древнимъ временамъ торговли нашей на Сурожскомъ морѣ, должны, кажется, опровергнуть взглядъ мой на это дѣло,— хотя, на примѣръ, не знаю, греческое ли слово: *костеръ*, городъ (*castrum*), или это придумано, потому что городъ срубленъ, сложенъ, и издали дымится?

[^^^]

6

Писано въ 1852 году; образецъ словаря, хотя и не такого, какъ я тогда предполагалъ, нынѣ въ рукахъ у читателей.

[^^^]

Обзоръ этотъ помѣщенъ здѣсь главнѣйше для того, что въ немъ разъяснено нѣсколько понятіе о наречіяхъ великорускаго языка, а понятіе это для читателей моего словаря необходимо.

[^^^]